РАЗСКАЗЫ О 1812 ГОДѢ.

(Отрывки изъ дневника А. А. Лесли).

„Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое?..“.

(Изъ народной былины).

Авторъ дневника, отрывки изъ котораго помѣщаются далѣе, Александръ Александровичъ Лесли (род. 1810, ум. 1877 г.)— недавній Смоленскій дѣятель. Получивъ образованіе въ военномъ инженерномъ училищѣ, онъ служилъ въ военной службѣ; въ послѣдній же періодъ своей жизни, по выходѣ въ отставку, онъ проходилъ съ 1842 года разныя должности въ Смоленскѣ по выборамъ: былъ Смоленскимъ уѣзднымъ и исправлялъ обязанности губернскаго предводителя дворянства, былъ членомъ Смоленскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, совѣстнымъ судьею и проч.

Авторъ дневника — сынъ Александра Дмитріевича Лесли, одного изъ четырехъ знаменитыхъ братьевъ-партизановъ 1812 г. [1]).

Въ своемъ дневникѣ онъ передаетъ нѣкоторые разсказы своего знаменитаго отца, а также своей матери и другихъ близкихъ лицъ—современниковъ эпохи „разоренья“. Кромѣ того, кровно связанный съ этою эпохою (какъ старшій въ родѣ, онъ носилъ медаль въ память 1812 года), сталкиваясь—по своему служебному и частному положенію въ Смоленскѣ – съ людьми разныхъ классовъ, профессій, возрастовъ,—авторъ съ особен-

[1]) Родъ Лесли ведетъ свое начало изъ Англіи. Одинъ изъ предковъ Лесли участвовалъ въ осадѣ Смоленска въ 1634 году. Объ Ал. Дм. Лесли нѣсколько подробнѣе скажемъ далѣе.

нымъ интересомъ прислушивался къ разсказамъ, воспоминаніямъ, преданіямъ и другихъ лицъ о 12 годѣ.

Дневникъ А. А. Лесли касается, конечно, не одной эпохи 1812 г. Довольно сказать, что онъ состоитъ изъ 27 объемистыхъ томовъ (съ 1851 по 1877 г.), исписанныхъ самымъ мелкимъ почеркомъ,—чтобы понять, на сколько богатъ онъ по своему содержанію. Но внесенные въ него разсказы о 1812 годѣ интересны вдвойнѣ.

Будучи человѣкомъ образованнымъ и даже талантливымъ, авторъ отличался при томъ острою памятью. Пользуясь ею,—онъ, вставъ въ 4—5 часовъ утра, воспроизводилъ и буквально записывалъ тѣ разсказы, которые слыхалъ наканунѣ или ранѣе. Благодаря этому, разсказы его отличаются столь большою свѣжестью, яркостью, живостью, будто они вчера написаны.

Авторъ не имѣлъ времени для обработки своихъ разсказовъ. Обремененный многочисленными семейными, хозяйственными, служебными обязанностями,—онъ спѣшилъ передать ихъ въ самой простой, непосредственной формѣ, пользуясь первыми пришедшими на умъ словами, оборотами, какъ будто онъ не писалъ, а разговаривалъ, бесѣдовалъ. „Дѣти! Внуки! Правнуки и все мое потомство! ежели кто изъ васъ будетъ читать когда-нибудь мой журналъ,—то знайте, что это какъ бы я бесѣдовалъ съ вами и разсказывалъ просто, что я дѣлалъ“,—говоритъ авторъ. Мы слышимъ, такимъ образомъ, бесѣду съ нами автора дневника, а такъ какъ онъ, въ свою очередь, передаетъ разсказы и воспоминанія другихъ своихъ современниковъ—или современниковъ 1812 года, или слышавшихъ разсказы современниковъ,—то изъ дневника какъ бы доносятся до насъ голоса самихъ очевидцевъ великихъ событій 1812 года.

Помѣщаемые ниже разсказы не могутъ, конечно, считаться вполнѣ достовѣрными, такъ какъ и разсказчики, которыхъ слышалъ авторъ, могли къ былямъ прибавлять небылицы, и самъ авторъ могъ недостаточно обдумать и провѣрить или, при всей своей феноменальной памяти, не вполнѣ точно воспроизвести слышанное [1]). Но при всемъ томъ разсказы эти,—какъ разсказы, большею частію, очевидцевъ,—имѣютъ и большое научное значеніе. Особенно интересны и важны они тѣми подробностями,

[1]) Примѣромъ могутъ служить внесенные въ дневникъ разсказы Васильева (см. ниже).

которыя характеризуютъ эпоху 1812 года, и безъ которыхъ не могутъ быть поняты многія крупныя явленія этой эпохи.

Чтобы вполнѣ понять смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ изъ помѣщаемыхъ ниже разсказовъ,—необходимо передать имѣющіяся свѣдѣнія о партизанской дѣятельности отца автора дневника, Александра Дмитріевича Лесли, и его братьевъ въ 1812 году [1]).

Александръ Дмитріевичъ Лесли родился 23 Апрѣля 1781 г. Онъ получилъ домашнее образованіе и въ 1788 г. былъ зачисленъ въ Екатеринославское войско, а въ 1796 г. переведенъ поручикомъ въ Чугуевскій уланскій полкъ, сформированный отцомъ его Дмитріемъ Егоровичемъ Лесли [2]). Онъ участвовалъ въ кампаніи 1799 и 1807 г.г., былъ адъютантомъ князя Голицына и въ 1807 г. вышелъ въ отставку. Въ 1810 г. онъ женился на вдовѣ князя Глѣбова-Стрѣшнева, урожденной Аннѣ Васильевнѣ княжнѣ Друцкой-Соколинской. Въ 1812 году онъ вмѣстѣ съ братьями участвовалъ въ партизанской войнѣ съ французами, (о чемъ сейчасъ будетъ сказано), а по окончаніи войны былъ совѣстнымъ судьею въ Смоленскѣ и умеръ въ имѣніи Станьковѣ 27 Апрѣля 1856 года. Погребенъ онъ въ церкви села Егорья, Смоленск. уѣзда, къ приходу которой принадлежитъ Станьково.

Въ началѣ Іюля 1812 года, при первыхъ слухахъ о приближеніи французовъ къ границамъ Смоленской губерніи, у Александра Дмитріевича Лесли у перваго—по его собственному разсказу, записанному въ дневникѣ—родилась мысль о народномъ ополченіи. Свою мысль онъ передалъ въ кругу своихъ родныхъ —и вотъ четверо братьевъ Лесли: самъ Александръ Дмитріевичъ, Петръ Дмитріевичъ, Григорій и Егоръ Дмитріевичи,—испросивъ благословеніе у отца своего, генералъ-маіора Дмитрія Егоровича Лесли,—первые явились къ Смоленскому губернскому предводителю дворянства С. И. Лесли, предлагая составить ополченіе по Смоленской губерніи и располагать ихъ жизнію и достояніемъ

---

[1]) Свѣдѣнія эти нами заимствуются изъ статьи Ѳ. Никифорова „Эпизодъ изъ войны 1812 г." въ № 9 Смоленскихъ Губ. Вѣдом. за 1857 г., изъ разсказовъ самаго дневника и изъ сообщеній теперешняго владѣльца его — сына автора, отставного штабсъ-ротмистра Смоленскаго драгунскаго имп. Александра III полка, Николая Александровича Лесли, проживающаго въ родовомъ имѣніи Станьковѣ, Смол. у., невдалекѣ отъ полуст. Пересны, Риго-Орловской жел. дор.

[2]) При штурмѣ Измаила командовалъ спѣшенной кавалерійской бригадой (Чугуевскій уланскій полкъ и казачій полкъ).

для защиты родины. Съ собою они привезли и письмо престарѣлаго отца, который также изъявлялъ готовность вступить въ службу, если того потребуютъ обстоятельства.

Между тѣмъ въ это самое время генералъ-адъютантъ, баронъ Винценгероде, потребовалъ отъ С. И. Лесли предложить дворянамъ, служившимъ прежде въ кавалеріи, составить отрядъ хотя изъ 20 человѣкъ конныхъ, для отправленія на границу Бѣлоруссіи, за городъ Красный, къ генералу Оленину, въ отрядѣ котораго не было конницы, необходимой для дѣйствій противъ появившихся тамъ партій французовъ. И вотъ братья Лесли тотчасъ отправились въ свои помѣстья и чрезъ два дня явились къ генералу Винценгероде съ отрядомъ въ 60 человѣкъ конницы, сформированнымъ изъ дворовыхъ людей и отборныхъ крестьянъ, съ лошадьми и полнымъ вооруженіемъ [1]).

Межъ тѣмъ С. И. Лесли созвалъ дворянъ и передалъ имъ мысль о народномъ ополченіи. Дворяне спорили о томъ, имѣютъли они право вооружать своихъ крѣпостныхъ и жертвовать чужою жизнію, по чьему плану составлять ополченіе и т. д. Одинъ Александръ Дмитріевичъ Лесли горячо требовалъ скорѣйшаго созыва ополченія. Когда родственникъ его Воеводскій сказалъ ему: „Ты первый затѣйникъ всему этому,—тебя перваго надо выбрать въ ополченіе!"—Александръ Дмитріевичъ Лесли съ гордостію отвѣтилъ: „Я уже и самъ ополчился—и вотъ вамъ приказъ Винценгероде, который мнѣ велѣлъ состоять при немъ при особыхъ порученіяхъ!"—„Проворенъ, братъ!"—сказалъ на это Воеводскій.

Прибывъ къ мѣсту назначенія, братья Лесли съ своими молодцами несли аванпостную службу, дѣлали разъѣзды, исполняли разныя порученія. Открывъ непріятеля, приближавшагося въ большой массѣ, они первые донесли объ этомъ генералу Оленину, а сами присоединились къ войску при городѣ Красномъ и были прикомандированы съ своимъ отрядомъ къ Харьковскому драгунскому полку. Въ сраженіи при г. Красномъ они потеряли изъ своего отряда нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными; весь обозъ ихъ съ провіантомъ и фуражомъ, все имущество и 20 лошадей были захвачены непріятелемъ.

---

[1]) Неясные городскіе слухи о началѣ партизанскаго движенія историкъ Смоленска Мурзакевичъ записалъ подъ 11 Іюля: „Генералъ Оленинъ и маіоръ Лесли, набравъ 70 человѣкъ крестьянъ, вооруженныхъ и конныхъ, представили генералъ-адъютанту Винценгероде".

Братья Лесли не переставали бороться съ французами все время, пока они были опасны для Россіи. Только когда полчища Наполеона стали гибнуть,—братья Лесли, испросивъ позволеніе у главнокомандующаго Милорадовича, возвратились въ свои помѣстья, разграбленныя и опустошенныя непріятелями [1]).

Изъ дневника А. А. Лесли были до сихъ поръ напечатаны только два разсказа въ статьѣ Дмитрія Мясоѣдова: „Кто былъ первый народный партизанъ на Руси въ эпоху Отечественной войны?"—помѣщенной въ „Историч. Вѣстникѣ" за 1903 г., Декабрь, стр. 828—834; въ началѣ той же книжки „Ист. Вѣстника" помѣщенъ былъ портретъ Александра Дмитріевича Лесли.

---

[1]) Другія подробности о партизанской дѣятельности братьевъ Лесли см. въ самомъ дневникѣ. О Петрѣ Дмитріевичѣ Лесли извѣстно еще слѣдующее. Онъ служилъ въ С.-Петербургскомъ драгунскомъ полку и участвовалъ въ походахъ 1805, 1806 и 1807 г.г. въ Австрію, Моравію и Пруссію противъ французскихъ войскъ и въ 1809 г. въ Молдавію противъ Турокъ. Въ 1812 г. въ день сраженія при Красномъ, 2 Августа, онъ вызвался на предложеніе ген. Оленина открыть расположеніе непріятеля за 20 верстъ отъ Краснаго, по правую сторону Днѣпра, со взводомъ драгунъ Харьковскаго полка. Исполнивъ порученіе и возвращаясь къ своему отряду, неустрашимый партизанъ при дер. Лучкахъ встрѣтилъ непріятельскихъ гусаръ. Пойдя въ аттаку, онъ разбилъ ихъ, очистилъ путь и взялъ въ плѣнъ 9 человѣкъ съ лошадьми. Проходя, затѣмъ, съ плѣнными черезъ занятыя французскими мародерами деревни,—онъ нѣсколько разъ подвергался преслѣдованіямъ непріятеля, пока въ 3 верстахъ отъ Краснаго, увидя себя отрѣзаннымъ и окруженнымъ, не скрылся съ плѣнными въ лѣсу. Отъ встрѣтившихся здѣсь жителей Краснаго онъ узналъ, что за нѣсколько часовъ до того городъ взятъ французами, и отсюда съ проводникомъ возвратился къ нашимъ войскамъ. Того же 2 Августа П. Д. Лесли участвовалъ въ продолженіи дѣла подъ Краснымъ. 5 и 6 Августа онъ былъ въ дѣлѣ подъ Смоленскомъ. Во время отступленія 2-й западной арміи по Московской дорогѣ,—Багратіонъ, увидя П. Д. Лесли, приказалъ ему явиться къ себѣ съ отрядомъ и причислилъ къ главному дежурству арміи. 24 и 26 Августа П. Д. Лесли и партизаны его отряда дрались, какъ львы, за что П. Д. Лесли пожалованъ орденомъ св. Анны 3 ст. За отличіе въ дѣлѣ подъ г. Прейсишъ-Эйлау, гдѣ онъ участвовалъ 26 Января при пораженіи непріятельской пѣшей колонны и 27 въ генеральномъ сраженіи при пораженіи двухъ непріятельскихъ колоннъ,—получилъ золотой крестъ съ надписью: „За труды и храбрость", для ношенія на Георгіевской лентѣ. Возвратясь къ мирной жизни, П. Д. Лесли служилъ по выборамъ дворянства: въ 1813 г. казначеемъ для раздачи разореннымъ отъ непріятеля денегъ на продовольствіе и посѣвъ полей; 1814—1817 г.г. Смоленскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, исправлялъ должность губернскаго предводителя; 1838—1844 г.г. Смоленскимъ совѣстнымъ судьею и предсѣдателемъ Комиссіи для разбора дворянскихъ грамотъ; наконецъ, предсѣдателемъ Палаты Уголовнаго Суда.

1851 годъ.

За чаемъ разговорились о Маломъ Ярославцѣ, о сраженіи, о 1812 годѣ, о томъ, какъ папенька и дядюшка были въ ополченіи. Тетушка принесла книги „Записки русскаго офицера“, и, когда я началъ читать, какъ дѣдушка съ четырьмя сыновьями вооружился,—я отъ умиленія заплакалъ, началъ цѣловать Надю, тетушку и Василія Владимировича, и тетушка подарила мнѣ эти книги (стр. 19).

Пошелъ на десятину, которая называется „свинокопъ“, оттого что въ 1812 году въ этомъ мѣстѣ свиньи взрыли около двухъ десятинъ, такъ что не пахали, а по взрытымъ десятинамъ посѣяли и заскородили (стр. 73) [1]).

У насъ прежде былъ свой заводъ очень красивыхъ и крупныхъ рыжихъ лошадей, но я тогда не любилъ ихъ; но было и другихъ много. Они развелись отъ огромной французской красивой кобылицы, оставшейся въ 1812 году раненой на нашемъ полѣ (и потомъ взятой приказчикомъ и вылѣченной, и папенька у него купилъ), и отъ очень красиваго рыжаго жеребца, бывшаго у дяденьки и Петра Дмитріевича, когда онъ жилъ въ Озеренскѣ (стр. 162).

Маменька разсказывала, какъ послѣ французовъ, когда возвратились, то домъ былъ сожженъ, и была только изба безъ пола, постлана солома. И всѣ радовались; и я около двухъ лѣтъ былъ, и бросился на солому, началъ ее цѣловать, приговаривая: „Слава Богу, и мы дома“. А когда сѣли обѣдать, и кушанье подали въ горшкѣ,—то сказалъ: „щей горшокъ, да самъ большой“! (стр. 166).

1852 годъ.

Варвара Дмитріевна разсказывала, какъ въ 1812 году изъ Озеренска уходила отъ французовъ и все забрала, и

[1]) Замѣчаніе, свидѣтельствующее о полномъ разореніи хозяйства: лошадей, чтобы вспахать поле,—не хватало.

даже до Рябинокъ Апухтинскихъ, Орловской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Орла, везла и сѣно, и овесъ, и провизію. А денегъ было всего 15 рублей ассигнаціями (ст. 10).

Во второй части исторіи Михайловскаго-Данилевскаго упоминается, что престарѣлый генералъ Лесли съ четырьмя сыновьями предлагалъ вступить въ 1812 г. на службу для защиты Отечества и ополчиться съ своими людьми, хотя всѣ уже были въ отставкѣ (ст. 11).

Сегодня очень памятный день въ нашемъ семействѣ.— Когда возвращались послѣ французовъ изъ Рябинокъ въ 1813 году, то папенька съ маменькой встрѣтились въ Озеренскѣ. Маменька пріѣхала первая вечеромъ и остановилась въ скотной избѣ, потому что въ домѣ было не топлено, и многое разорено. А папенька поутру ѣхалъ въ Рябинки изъ Станькова съ дяденькою Егоромъ Дмитріевичемъ, и увидѣли экипажей много, и только хотѣли спросить: „чьи это?"—какъ вышелъ Дороѳей—лакей и сказалъ, что маменька со всѣми здѣсь. Можно было себѣ представить, какая была радость, увидѣвшись и возвращаясь въ домъ, не имѣя уже надежды, можетъ быть, никогда не возвратиться. Озеренскъ былъ тогда Варвары Дмитріевны. Прежде мнѣ маменька сказала, чтобы не проговориться—когда пріѣдемъ въ Станьково—папенькѣ, что сестра Варенька умерла, и теперь папенькѣ сказали, что ее оставили въ Рябинкахъ по нездоровью. Только я, ходивши по лавкамъ, сталъ къ папенькѣ ласкаться и говорю: „Папа, а нашу Вареньку попъ въ ямочку хлопъ!" Папенька спросилъ у всѣхъ: „Что онъ такое говоритъ?" Тутъ ему сказали о ея смерти. А я, къ маменькѣ оборотясь (сказалъ): „Мама, я папѣ не говорилъ, что Варя умерла". Такъ къ великой радости примѣшалось такое ужасное горе. Тутъ показали и кормилицу Варенькину, которую сперва спрятали отъ папеньки, чтобы не огорчить его (ст. 37).

Вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, выѣхали въ Станьково. Мѣсяцъ свѣтилъ очень ярко, и было такъ тепло и тихо, что мнѣ позволили посидѣть на козлахъ. И долго я такъ ѣхалъ, пока захотѣлъ спать, и соннаго меня привезли; и Екатерина Григорьевна Мержинская, экономка наша, съ радостными слезами встрѣтила насъ. Меня внося, разбудили. И она меня всегда называла „паничекъ мой", „мущинушка мой" и очень часто употребляла въ разговорѣ: „а Божу—

точки мои". Въ Станьковѣ была приготовлена оставшаяся старая изба, бывшая музыкантская, и уже не было въ ней пола, а настлали соломы. И когда Екатерина Григорьевна стала говорить: „а Божуточки мои, а гдѣ же я паничечка моего положу? Отдамъ я ему мои пуховикъ! какъ ему на соломѣ спать?"—папенька сказалъ ей: „Слава Богу, что и солома своя". Я бросился на солому, захватилъ ее въ охабку и началъ ее цѣловать, говоря: „Своя солома!"—такъ что радостью своей всѣхъ растрогалъ Потомъ, когда мнѣ дали щей и каши изъ горшка, я сказалъ: „Щей горшокъ, да самъ большой!"

1853 годъ.

Исторія города Смоленска о Лесли.

Исторія Смоленска, написанная Никитинымъ и посвященная Капнисту, вышла такъ, что я не зналъ и не подписался, и (меня) нѣтъ въ спискѣ въ концѣ книги. Мы прочли то мѣсто, гдѣ четверо братьевъ Лесли ополчились, и престарѣлый ихъ отецъ тоже съ ними хотѣлъ идти на войну [1]). Я былъ до слезъ умиленъ. Это былъ мой папенька съ моими дядями, о чемъ Михайловскій-Данилевскій упоминаетъ, и о чемъ и въ моихъ запискахъ есть (ст. 62).

Князь Михайло послѣ обѣда читалъ указъ государя Александра I въ двѣнадцатомъ году, 5 пунктовъ,—какъ поступить съ предлагаемыми людьми отъ Смоленскаго дворянства для ополченія, въ числѣ 20000 человѣкъ, и Монаршее благословеніе за это предложеніе (ст. 143).

Мой родитель, штабъ-ротмистръ Александръ Дмитріевичъ Лесли, первый предложилъ это ополченіе, и первый съ братьями выставилъ вооруженныхъ людей на свой счетъ. И, узнавъ это, дѣдушка [2]) писалъ главнокомандующему, что, не смотря на преклонность лѣтъ, онъ готовъ идти съ дѣтьми защищать Отечество, о чемъ теперь во многихъ исторіяхъ о двѣнадцатомъ годѣ есть. Ура! Честь и слава знаменитому и доблестному роду Лесли! Да воодушевляютъ

---

[1]) „Исторія г. Смоленска", Никитина, стр. 278.

[2]) Генералъ-маіоръ Дмитрій Егоровичъ Лесли.

и позднѣйшее потомство благородные поступки предковъ и воспламеняютъ горячею любовью къ Царю и Отечеству.

1854 годъ.

Записка Государя Александра I объ ополченіи.

Когда почти всѣ собрались и усѣлись въ залѣ, то Губернскій предводитель прекрасно сказалъ о Монаршей милости, оказанной Смоленскому Дворянству присылкой картины „Сраженіе при Смоленскѣ“ и собственноручною запискою Государя Александра Павловича двѣнадцатаго года о томъ, какъ устроить ополченіе, составленное Смоленскимъ Дворянствомъ. Всѣ, по окончаніи, воскликнули восторженно: „Ура!“

Брезгунова Аграѳена Андреевна съ другими жителями Смоленска бѣжали въ лѣса и болота—прятались. Которые ползкомъ или ночью пробирались къ засѣяннымъ полямъ, рвали колосья ржи, перетирали ее руками, передували, ѣли ее сырую, а иногда разваривали въ водѣ, безъ соли, и боялись раскладывать большой огонь—и, долго питаясь однимъ этимъ, ослабѣли.

Въ день Дмитрія Мироточиваго казаки нашхали на нихъ и сказали, чтобы они покойно возвращались въ городъ,—гдѣ они нашли Соборъ и другія церкви ограбленными и осквернеными навозомъ. Ихъ ужасало, какъ христіане превратили храмы въ конюшни и ставили тамъ лошадей. Брезгунова увѣряла, что въ продолженіе всего времени, какъ были французы, ни одна птица не пропѣла и не прокричала, и, когда всѣ лѣса были наполнены попрятавшимися, никто не видѣлъ дикаго звѣря (стр. 85).

Въ 1812 году, когда уходили отъ французовъ,—остановился папенька и другіе въ имѣніи Осипова, отецъ котораго былъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ, а онъ былъ посланникомъ въ Дрезденѣ. Его камердинеръ, получившій вольную, жилъ въ имѣніи, гдѣ господъ не было. Когда вошли въ комнаты,—онъ былъ въ халатѣ. Въ разговорѣ онъ, негодяй, говорилъ: „для меня все равно—Александръ или Наполеонъ, и Наполеонъ еще выше Александра“! Вотъ, безъ

образованія, за границей былъ съ бариномъ, какого дурного духу набрался! (ст. 174).

Докторъ Валь—плѣнный французскій фельдшеръ, оставшійся въ Смоленскѣ съ 1812 года Его всѣ любятъ за его добрый и веселый характеръ. Бѣдныхъ онъ лѣчитъ даромъ, даетъ лѣкарство безъ денегъ; инымъ со своего стола посылаетъ кушанья. А самъ не имѣетъ большого состоянія, и вообще у него между достаточнымъ дворянствомъ небольшая практика, какъ онъ лѣчитъ сильными средствами; но иногда это спасаетъ (ст. 261).

Валь у всѣхъ спрашиваетъ: „А фи слышали, што Паскевичъ конфузію получилъ?! Былъ при Силистріи—ничефо не сналъ, а пріѣхалъ домой—и сказалъ: „Ахъ, конфузія!“ Валь часто смѣшные анекдоты разсказываетъ и самъ сочиняетъ разные разсказы смѣшные. Еще разсказываютъ: одинъ инженерный путей сообщенія подполковникъ пріѣзжаетъ къ Валю и проситъ его пустить кровь.—„Зашѣмъ фамъ? фи здарофъ!“—„Сегодня будетъ Клейнмихель: навѣрно, будетъ меня распекать. Я очень толстъ,—боюсь, не сдѣлался бы ударъ.—„Но штошъ онъ будетъ фамъ говорить?! Фи плутъ?! Мошенникъ?! Обокрали казну?! Но фи проситъ фашу жену фамъ почаще это говорить, и фи привыкните, и, когда Клейнмихель фамъ будетъ бранить, фи будете слушать—и нишефо,—и фамъ не надо пускать кровь“.

Ѳедоръ Заяцъ разсказывалъ, [1])—какъ изъ всѣхъ имѣній дѣдушки Дмитрія Егоровича и его четырехъ сыновей—Александра, Григорія, Егора и Петра было собрано 200 человѣкъ молодцовъ, и въ Соборѣ отслужили молебенъ, и дѣдушка провожалъ. Они были ополченцы, въ числѣ которыхъ и Ѳедоръ, вооружены всѣ очень длинными пиками и саблями. Было четыре мушкета кавалерійскихъ и нѣсколько пистолетовъ. Всѣ верхами на лошадяхъ, и ходили они около Катыни, гдѣ господа поили ихъ горѣлкой, около Надвы, Рудни, Лядовъ, Орши и не дошли до Витебска пять верстъ, разъѣзжая по лѣсамъ и забирая мародеровъ. Онъ разсказывалъ: „Какъ эти бродяги придутъ куда-нибудь въ деревню, человѣкъ десять или болѣе или менѣе, грабить скотъ или забирать хлѣбъ; какъ узнаемъ,—отрядятъ насъ чело-

[1]) Помѣщенный далѣе разсказъ Ѳедора Зайца былъ напечатанъ въ Ист. Вѣстн. 1903 г., Декабрь, стр. 832—833.

вѣкъ сорокъ или сколько нужно, мы обскачемъ ихъ—и, какъ не присяжные солдаты, то не острымъ концомъ, а тупымъ хорошенько хватишь, то онъ и бросаетъ ружье, кричитъ „пардонъ". Тогда у нихъ отберутъ все оружіе и соберутъ съ другими въ кучи и погонятъ плетьми, какъ барановъ. Ни одного не убили, и, какъ сдается, то уже не обижаютъ (ст. 291).

Разъ четыре француза забрались ночью около водяного колеса на мельницу. Мы узнали это и обступили. Закричали имъ: „Сдавайтесь! пардонъ!" Они закричали: „нонъ пардонъ!"—и начали стрѣлять. Насъ было сорокъ человѣкъ, и намъ приказали отступить поодаль и, окружа, стоять: они выстрѣлятъ всѣ патроны—и тогда сдадутся. Такъ и сдѣлали. Они стрѣляли нѣсколько часовъ, а мы стояли, и они никого не ранили. Потомъ разомъ какъ крикнемъ; „ура!", бросились, окружили. Они сдались, закричавъ: „пардонъ!"— и мы ихъ живьемъ взяли и отвели къ плѣннымъ, которыхъ понемногу, а много набрали за все время. При насъ было три киргиза, два калмыка и два татарина. Они уже знали, какъ надо разъѣзды дѣлать и всѣ наши правила (ст. 292).

Недалеко отъ Орши мы стояли около переправы черезъ Днѣпръ, вытянувшись по берегу, а они (французы) на другомъ берегу высыпали, много, очень много, навели пушки и начали палить. Григорій Дмитріевичъ, прехрабрый, за старшаго командовалъ. Егоръ Дмитріевичъ и Петръ Дмитріевичъ, также храбрые, ничего не боятся; разъѣзжаютъ передъ нами подъ выстрѣлами и кричатъ: „Не робѣй! не бойся! не прячься, ребята!" а человѣка два слѣзли съ лошадей и на корточки присѣли за задними ногами лошадей. А тѣ стоятъ на своемъ мѣстѣ, не пошевелятся. А Абрамъ Степановичъ—ужъ тотъ то храбрый: выпьемъ горѣлки—во весь духъ на лошади несется, бранится на насъ и кричитъ. Насъ разставили въ одинъ рядъ, одинъ отъ другого сажени на три длиною растянули. И тутъ только и были мы все Леслевской вотчины впереди всей арміи, которая была верстъ на двадцать за нами. Непріятель стрѣлялъ ядрами, одни попадали на берегъ, другія не долетали, падали въ воду, а много и черезъ насъ и между нами пролетали. Никого не ранило, только подъ Петромъ Дмитріевичемъ ранило лошадь въ ногу. Такъ они нѣсколько часовъ въ насъ

палили, а мы сидимъ и никуда не подаемся. Они хотѣли переправиться, но боялись насъ и отступили въ лѣсъ. А если бы мы оробѣли и ежели бы стали отступать,—то они, переправясь, насъ искрошили бы. Ихъ было куда больше насъ, а какъ мы рѣдко стояли, то намъ ничего не сдѣлалось. На Спасовки намъ заговѣться дали господа мяса, водки вдоволь, и мы стали варить да готовить. Намъ сказали: „Французъ близко!“ Мы хотѣли было ужъ бросить и сами не знали, какъ быть, да Григорій Дмитріевичъ и другіе господа (т. е. Егоръ Дмитріевичъ, Петръ Дмитріевичъ и Абрамъ Степановичъ) сказали: „Ѣшьте, поспѣете еще“. Ужъ солнце всходило, а мы согрѣшили: постъ насталъ, а мы ѣли мясо и горѣлку пили, потомъ поѣхали въ разъѣзды, и мнѣ извѣстны мѣста около Велина, Катыни и Надвы; по лѣсамъ все ѣздили да французовъ ловили. А они, ходя по лѣсу, рубили сучья да на деревьяхъ свои мѣтки клали. Когда отдѣльно безъ господъ (а каждый командовалъ изъ нихъ своею частью), то за Григорія Дмитріевича командовалъ Парфенъ, который потомъ былъ у него приказчикомъ. И дворовые были съ нами за унтеровъ. И мы болѣе были по частямъ, все разъѣзжали и днемъ и ночью, то въ разъѣздахъ, то на пикетѣ, и строго уже дѣло дѣлали, какъ солдаты: когда посланъ, то не спи. Да и сами остерегались, боясь попасть въ полонъ (стр. 293).

А изъ всѣхъ въ разное время убито было 9 и ранило нѣсколькихъ. А изъ всѣхъ нашихъ [1]) теперь осталось живыхъ только я (Ѳедоръ Заяцъ) да еще Андрей Варакса, лѣсничій въ Хруменкахъ, и Парфенъ, бывшій Григорія Дмитріевича“.

... То неудивительно, какъ у Щербакова черезъ 40 лѣтъ послѣ казацкихъ побоевъ, за службу его французамъ, разболѣлась рука (стр. 385).

1855 годъ.

Въ Смоленской губерніи помѣщикъ Лутковскій въ 1812 году, когда приближались французы, взялъ своего преданнаго старосту, и съ нимъ, уложивъ серебро и другія цѣнныя вещи, отправился въ лѣсъ. Зарыли. Сдѣлали примѣръ. Лутковскій уѣхалъ въ безопасныя губерніи. Ко-

[1]) Въ 1854 году.

гда пришли французы въ его имѣніе, кто-то изъ дворовыхъ сказалъ имъ: „Староста съ бариномъ закапывали въ лѣсу серебро и прочее". Французы стали допрашивать старосту, бить, мучить. Сперва онъ отговаривался въ несправедливости этого показанія, а потомъ, когда его стали уличать доносчики, онъ сказалъ: „Хотя и зарывалъ съ бариномъ кладъ, но не помню—гдѣ". Его изверги стали еще болѣе мучить и тиранить, выпытывая, гдѣ кладъ; но онъ молчалъ, отпирался забытіемъ. Его до смерти замучили; онъ не открылъ. Лутковскій, когда война кончилась, возвратился и нашелъ всѣ свои сокровища (стр. 133).

Въ Маломъ Ярославцѣ одинъ чиновникъ, во время сраженія съ французами въ 1812 году, отправился съ нѣсколькими крестьянами вверхъ по рѣкѣ Лужѣ, отворилъ на нѣсколькихъ мельницахъ заставки, раскопалъ самыя плотины. Вода разомъ хлынула, сорвала непріятельскіе понтонные мосты, многихъ перетопила; тѣ, которые были на нашемъ берегу, были уничтожены или взяты въ плѣнъ. Враги должны были остановиться. Между тѣмъ наши войска подошли, и это было главной причиной, почему удержали всю Наполеоновскую армію и не пропустили къ Калугѣ. Это происшествіе и фамилія сдѣлавшаго это по своей иниціативѣ, никому не сообщивъ, записали въ монастырскихъ книгахъ въ Маломъ Ярославцѣ, и онъ до сихъ поръ живъ и находится въ Москвѣ, а его подвигъ мало кому извѣстенъ. Теперь разсказываютъ о немъ въ Маломъ Ярославцѣ и въ окрестностяхъ. Намъ теперь разсказалъ объ этомъ Николай Степановичъ (Лесли), хотя я это прежде слышалъ, и, кажется, даже въ журналѣ записано. Но это такой подвигъ, который десять разъ записать и разсказать не лишнее (стр. 130).

Дмитрій Николаевичъ (Энгельгардтъ) разсказывалъ многія происшествія въ собраніи, гдѣ было отъ 500 до 600 дворянъ. Этакого собранія не запомнятъ съ тѣхъ поръ, когда въ послѣдній разъ избрали Губернскимъ Предводителемъ Сергѣя Ивановича Лесли, которому принадлежало теперешнее наше Уварово; тогда было 700 дворянъ. Теперь были не только (тѣ), у кого сто душъ и болѣе, но и мелкопомѣстные безъ полномочій, а требовали всѣхъ (стр. 165).

Въ сумерки разговаривали съ папенькой, кого назначить изъ Станькова въ ополченіе, и какъ было ополченіе въ 1812 году. Тогда изъ нашего имѣнія и прочихъ, т. е. дѣдушкина Дмитрія Егоровича—Копыревщины, дядюшкиныхъ—Кимборова, Петрова, Гусакова и тетушкиныхъ—Озеренска и Иванова—собрали болѣе 60 человѣкъ (стр. 175), и дяди выступили съ ними изъ Смоленска къ Красному. А папенька пріѣхалъ въ Станьково, велѣлъ отпереть всѣ амбары и кладовыя, позволилъ крестьянамъ брать все поскорѣй, выпроводилъ маменьку со мной и тетеньку въ Рябинки, Орловской губерніи, къ Апухтинымъ и вслѣдъ, что въ скорости можно было, отправилъ второпяхъ. Между тѣмъ Смоленскъ былъ уже взятъ. Французскіе разъѣзды доходили до Долгомостья, въ десяти верстахъ отъ Станькова. Когда папенька выѣхалъ, желая присоединиться къ арміи, черезъ Ельню на Дорогобужъ, пока онъ доѣхалъ до Ельни,—казаки его тамъ увѣдомили, что къ арміи проѣхать на Дорогобужъ уже нельзя и даже на Вязьму опасно, а надо на Юхновъ; къ тому же онъ занемогъ въ Ельнѣ и рѣшился ѣхать въ Рябинки на дрожкахъ. По этой дорогѣ тогда ѣхало много, и съ ними были разныя приключенія. Я вспомнилъ, какъ Ѳедоръ (Фердинандъ) Логгиновичъ говорилъ о пишущихъ духахъ, которые ему написали, что до 18 февраля ничего ему не будутъ писать и отвѣчать; и 18 февраля скончался Государь. Кто и какъ пишетъ тарелками или столами,—неизвѣстно; но стеченіе обстоятельствъ удивительное (стр. 174).

Священникъ пересказывалъ разсказы крестьянъ, какъ въ 1812 году французы были въ Егорьѣ, спрашивали, выговаривая худо по русски: „Гдѣ попъ?“ заходили къ крестьянамъ, махали саблями, даже били плашмя, спрашивая все то-же. Крестьяне ходили за ними толпой, и бывшій тогда священникомъ отецъ Ѳедоръ, также одѣвшись совершенно какъ крестьянинъ, отвѣчалъ съ другими: „Мы не знаемъ, гдѣ попъ“. Крестьяне очень любили отца Ѳедора, не хотѣли его выказать, ни попадью. А то они многихъ священниковъ били, требуя отъ нихъ денегъ (стр. 192).

Когда этотъ котелъ дѣлали въ 1812 г. у насъ въ кухнѣ наши мастера, и папенька пришелъ туда посмотрѣть,—то кузнецъ ему сказалъ о приближеніи французовъ къ Смо-

ленску. Это казалось (до того) невѣроятнымъ, что папенька и Дм. Дм. и Влад. Дм. Градовскіе разсмѣялись. Но на другой день узнали истину и удивились необыкновенно (ст. 318).

Отецъ Павелъ разсказывалъ, какъ въ 1812 году онъ былъ дьякономъ, и въ селѣ у нихъ непріятели проходили часто. И однажды у него остановились 8 баварцевъ, которые были еще молоды, и всѣ, готовясь къ духовному званію, знали по-латыни. Онъ также недавно окончилъ курсъ и знялъ хорошо еще по-латыни. И они между собою все на этомъ языкѣ разговаривали. Они простояли у него двѣ недѣли, и, когда проходили другія войска изъ двунадесяти племенъ, то уже не допускали разорять. Въ другихъ же мѣстахъ не столько французы разоряли и неистовствовали, какъ поляки (ст. 329).

Агаѳья Кирѣевна, жена бурмистра Ивановскаго, разсказывала, какъ въ 1812 году изъ Ивановскаго господа выѣхали. Но они продолжали работать—были на господской пшеницѣ, которую жали. Какъ закричали: „французы идутъ!“ Ихъ шло 12 человѣкъ. Всѣ жавшія бабы съ серпами, подхватя скоро одежду, убѣгали, куда глаза глядѣли. Французы, придя, пошли въ подвалъ, гдѣ была горѣлка въ бочкахъ. Раскрыли, посливали въ ведра, много пролили. Сначала никто не показывался [1]), всѣ попрятались; потомъ пришли старики,—имъ наливали водку въ ведра французы, а потомъ они сами брали, сколько хотѣли. И, когда были на господской работѣ, то пили нѣсколько разъ въ день, какъ кому когда вздумается: поработаетъ да придетъ въ подвалъ—выпьетъ, и пойдетъ опять на работу; да и въ дома къ себѣ носили ведрами. Какъ вернулась Марфа Михайловна, больно пересѣкла за это многихъ, особенно главнаго зачинщика, который говорилъ: „Пей въ мою голову,—я ужъ за все отвѣчаю“. По сосѣдству французы заперли въ сарай нѣсколько бабъ да ихъ держали тамъ нѣсколько дней. А какъ наши мужики черезъ нѣсколько времени всѣхъ французовъ перебили да и стащили куда кого—однихъ въ лѣсу закопали, другихъ въ болото, а иныхъ въ рѣку,—тѣмъ и кончилось. И мы никто не знаемъ, какъ это они ихъ перебили и куда дѣвали; послѣ уже узнали“ (ст. 462).

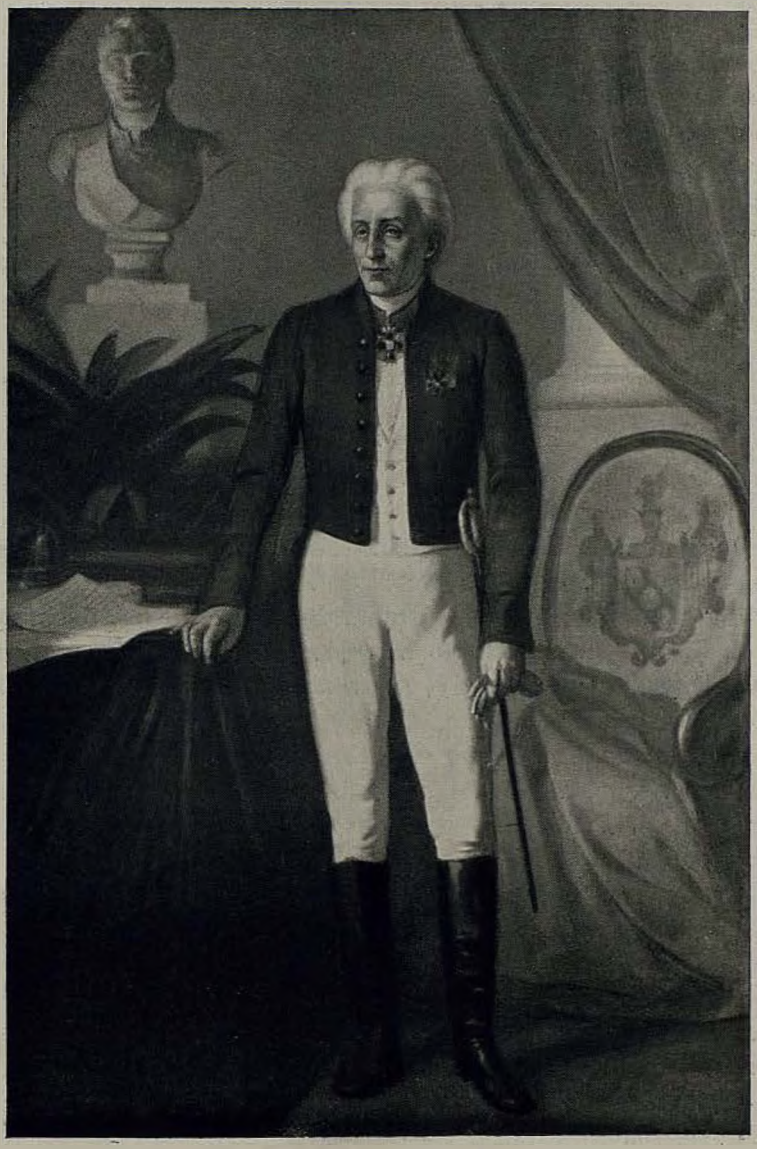
[1]) Т. е. изъ крестьянъ.

Нѣкоторые изъ плѣнныхъ возвратились. Разсказываютъ, какъ имъ тамъ было довольно хорошо, а плѣннымъ у насъ чрезвычайно хорошо. Въ 1812 г. Наполеонъ довелъ свою армію до невѣроятнаго бѣдственнаго положенія: тысячи умирающихъ съ голоду отдавались въ плѣнъ. Они были въ такомъ жалкомъ положеніи, какое вообразить трудно. Имъ доставляли все нужное, по возможности, часто съ лишеніями себѣ, и выраженіе: „плѣнный французъ"—было для обозначенія высшей степени положенія, до какого они были доведены (ст. 590).

Папенька нашелъ писанную его рукой весьма любопытную памятную записку о 1812 г. и расписку Бенкендорфа о принятіи 27 ратниковъ конныхъ изъ Станькова въ 1812 г. (стр. 591)

„У него засталъ Ек. Евѳ. Бутвиловскую и Щелкановскую старушку—двоюродную сестру княгини Натальи Богдановны [1]). Она (старушка) разсказывала, какъ въ 1812 г. уходил и отъ французовъ; какъ ониуѣхали къ Потемкину Богдану Ильичу; въ Пологи, уже не могли возвратиться къ себѣ; какъ она молилась въ каретѣ. Анна Никиф. Потемкина забыла мѣшочекъ съ 10,000 р. асс. подъ каретной подушкой. Дѣвушка пришла за чашками. Она, приподнявъ подушку и увидавъ деньги, уже не пустила въ карету дѣвушку, (а) сама ей подала чашки изъ задняго баула. Когда пришли къ чаю, Анна Никифоровна разливала чай. Вдругъ вспомнила о забытыхъ ею деньгахъ въ каретѣ, испугалась, выронила чашку изъ рукъ. А она ей сказала: „Не безпокойтесь, тетушка,—все ваше цѣло: я спрятала къ себѣ". Потомъ отдала ей (деньги). Противъ ихъ дома разбили короля Вестфальскаго, и его карета была у ихъ крестьянина. Когда возвратились, то ея отецъ отдалъ эту карету Энгельгардту за 10 четв. ржи. Энгельгардтъ ее продалъ въ другія руки съ барышомъ большимъ, хотя она была съ оборваннымъ сукномъ. Тамъ люди нашли потайные ящики и мѣста, въ которыхъ было множество золотыхъ денегъ, брилліантовыхъ вещей и много другихъ богатствъ. Екатерина Евѳ. ее помнитъ, какъ она много молилась на колѣняхъ и всегда надѣвала колпакъ съ кисточкой; это только у ней осталось въ памяти, какъ весьма необыкновенное (стр. 604).

[1]) Вѣроятно, Друцкая-Соколинская.



Сергѣй Ивановичъ Лесли,
Смоленскій Губернскій Предводитель Дворянства въ 1812 году.
(Съ портрета, находящ. въ Смолен. Дворян. Депут. Собраніи).

Щелкановская разсказала, какъ изъ Пологъ дворовые люди Потемкиныхъ разбѣжались, узнавъ о приближеніи французовъ. А когда уѣхали, то остальные убѣжали, и кучеромъ посадили форейтора на бойкихъ лошадяхъ. А Майдановичева люди ни одинъ не разбѣжался и потомъ пробирались, привозили оттуда многое.—Когда возвратились, то въ Пологахъ Потемкинскій крестьянинъ молотилъ въ господской медвѣжьей шубѣ. Майдановичъ ему сказалъ: „Зачѣмъ ты баринову шубу взялъ"?—„А намъ казали, что пановъ больше не будетъ; а когда они вернутся,—то вотъ ему его шуба!" И снялъ съ себя. Разграблены были всѣ вещи у всѣхъ, но, возвратясь, многое отобрали назадъ у своихъ и постороннихъ крестьянъ, а многое пропало.

1856 годъ.

*) Когда кончили чтеніе, папенька разсказывалъ, какъ родилась у него перваго мысль объ ополченіи, какъ онъ приготовлялъ людей и братьевъ Егора, Григорія и Петра посылалъ въ разныя мѣста: одного въ Копыревщину къ батюшкѣ просить благословенія, который даже самъ хотѣлъ идти въ ополченіе съ сыновьями, о чемъ и въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго упоминается, другого въ Смоленскъ за покупкою сѣделъ и прочаго нужнаго для ополченія, третьяго въ Озеренскъ къ Варварѣ Дмитріевнѣ, ее увѣдомить о нашествіи враговъ и взять нѣсколько людей въ ополченіе. Папенька поѣхалъ къ Губернскому Предводителю Сергѣю Ивановичу Лесли представлять ему необходимость ополченія. Тотъ созвалъ, сколько можно было, дворянъ, но уже когда три родныхъ брата и двоюродный ихъ Абрамъ Степановичъ сражались подъ Краснымъ и около Гусинова, гдѣ конные ратники были въ первый разъ подъ выстрѣлами: черезъ Днѣпръ въ нихъ выстрѣлили 16 разъ изъ пушки, но никого не ранили. Ѳедоръ Заяцъ разсказывалъ объ этомъ дѣлѣ, и оно у меня записано. Онъ говорилъ объ Абрамѣ Степановичѣ, но тамъ былъ и Петръ Дмитріевичъ, и другіе недалеко, тоже въ строю. Послѣ ратники говорили: „Какъ это господа не сказали, что въ

*) Помѣщаемый далѣе разсказъ такъ же, какъ и разсказъ Ѳеодора Зайца, напечатанъ въ Ист. Вѣстн. 1903 г., Декабрь.

насъ будутъ стрѣлять изъ пушки?" Когда дворянство собралось,—хотя бѣда была на носу, но Оленинъ пустился въ длинное и глупое разсужденіе: „Какъ мы смѣемъ жертвовать жизнью другихъ и дѣлать ополченіе?"—забывъ о должной защитѣ Отечества. Прохоръ Ивановичъ Булатовъ говорилъ: „Какъ давать людей, когда теперь самый сѣнокосъ?" Папенька ему сказалъ: „Заготовляйте поболѣе для непріятеля"! Такъ дѣйствительно и случилось черезъ нѣсколько дней. Петръ Клочковъ говорилъ: „Я согласенъ на ополченіе, но только по моему плану". Папенька ему сказалъ: „По чьему угодно,—только надо поскорѣе собрать и вооружить!" Много было подобныхъ глупыхъ возраженій, но очевидная нужда заставила большинство рѣшить собрать ополченіе. Кто-то сказалъ: „А гдѣ же братья Лесли? Они первые затѣяли ополченіе, ихъ надо выбрать въ офицеры, а здѣсь только Александръ Дмитріевичъ". Сергѣй Ивановичъ отвѣчалъ: „Мы здѣсь еще толкуемъ, а они уже давно сражаются". Жара была чрезвычайная. Всѣ вышли изъ залы, на дворѣ разсуждали. Петръ Дмитріевичъ Воеводскій, бывшій внучатный дядя папеньки, братъ Клавдіи Дмитріевны, былъ очень полонъ, снялъ съ себя даже мундиръ.—Обратясь къ папенькѣ, (онъ) говорилъ ему: „Ты первый затѣйникъ всему этому,—тебя перваго надо выбрать въ ополченіе".—„Я уже самъ ополчился—и вотъ вамъ приказъ Винценгероде, которымъ онъ мнѣ велѣлъ состоять при немъ при особыхъ порученіяхъ".—„Проворенъ, братъ!"—возразилъ Воеводскій. Еще многое разсказывалъ папенька, какъ отъ своего крестьянина—мѣдника, дѣлавшаго котлы на винокурню, узнали о приближеніи французовъ и пр. Иное у меня уже записано, а иное нѣтъ, а все очень интересно, и я давно просилъ папеньку описать эти достопамятные дни; но онъ говорилъ: „Это интересно для насъ, а другимъ нѣтъ дѣла". А я говорилъ: „Такая важная эпоха интересна и малозначущими частными подробностями, особливо ежели пройдетъ много времени" (стр. 89—90).

Ѳедотовъ[1]) разсказывалъ, какъ дворянство въ 1813 году въ домѣ Полторацкаго давало благородный спектакль. Онъ былъ тогда 13-ти лѣтъ и былъ при своемъ учителѣ рисо-

[1]) Александръ Мартемьяновичъ Ѳедотовъ—учитель рисованія въ Смоленской гимназіи.

ванія, который разрисовывалъ кулисы. Вѣра Дмитріевна, теперешняя жена Александра Александровича Лярскаго, была еще небольшимъ ребенкомъ. Какъ это [1]) было въ ихъ домѣ, то дѣти приходили смотрѣть приготовленія. Была картина—Александръ I въ видѣ ангела, дарующаго миръ; а на сценѣ его бюстъ увѣнчивали лавровымъ вѣнкомъ. Ѳедотовъ былъ свидѣтель, какъ Полторацкій хотѣлъ платы за домъ, а Поливановъ Иванъ Петровичъ началъ его стыдить, говоря: „Какой ты патріотъ? Дворянство торжествуетъ освобожденіе отъ нашествія враговъ, а ты хочешь платы! Ты—не Полторацкій, а Полторастовъ!“ (ст. 397).

Маменька [2]) разсказывала, какъ, возвратясь домой послѣ 12-го года, подымали образъ Покрова Пресвятой Богородицы изъ Покровской церкви, которая подлѣ Веселухиной башни. Образъ былъ тогда безъ оклада, а теперь на немъ серебряная риза, на весь образъ. Его тогда привезли на саняхъ въ Станьково, придѣлавъ прямыя высокія кряквы, къ которымъ прислонили [3]). Священникъ до Станькова ѣхалъ на особыхъ саняхъ. Когда отвозили, послѣ двухдневнаго пребыванія въ Станьковѣ и многихъ молебствій, опять въ Смоленскъ,—то провожали пѣшкомъ до плотины, и меня несли на рукахъ... Теперь недавно маменька подымала этотъ образъ къ себѣ на квартиру, въ домѣ Петрушевскихъ (ст. 430).

1857 годъ.

По утру приходилъ къ брату (Ѳедору Петровичу Глѣбову-Стрѣшневу) старый ветеранъ, отставной унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, который еще въ 1812 г. дѣлалъ кампанію съ Матвѣемъ Евграфовичемъ Храповицкимъ [4]). Его фамилія Гончаровъ. Онъ при дворцѣ вел. княгини Елены Павловны... (стр. 64—65).

Вчерашній престарѣлый, но видный еще воинъ Гончаровъ, увѣшанный орденами и медалями, живой монументъ

[1]) Т. е. спектакль.

[2]) Анна Васильевна Лесли, урожд. Друцкая-Соколинская, по первому мужу Стрѣшнева.

[3]) Т. е. икону.

[4]) Генералъ-адъютантъ, былъ женатъ на Екатер. Вас. Друцкой-Соколинской.

русской славы 12 г., съ своими огромными сѣдыми бакенбардами, съ густыми бѣлыми волосами на головѣ, великаго росту, величественной осанки—типъ воинственнаго героя, прямой, стройный и уже безъ жесткихъ движеній фронтового, а съ свободною походкой. Пріятно о немъ вспомнить (стр. 95).

Во время войны было выпущено англичанами много фальшивыхъ банковыхъ билетовъ, а въ 1812 году Наполеонъ здѣсь много ассигнацій надѣлалъ, и, когда отбили его собственный обозъ казаки, то была особая фура со всѣми принадлежащими инструментами, готовыми ассигнаціями разнаго достоинства и заготовленною бумагою (стр. 108).

У дяденьки Петра Дмитріевича [Лесли] читали эпизодъ 1812 г. о его подвигахъ, какъ партизана (стр. 118) [1]).

Я ему [2]) разсказалъ о Щербаковѣ, которому 104-й годъ, какъ всѣ говорятъ, какъ его чуть было не разстрѣляли за вступленіе къ Наполеону въ должность, доставляя ему для войска провіантъ и проч. (стр. 134).

Крестьянинъ разсказывалъ, какъ въ 1812 году французы приходили въ Покровское; какъ большихъ оленей пострѣляли и крестьянъ заставляли приносить ихъ къ себѣ въ лагерь около Всесвятскаго; какъ поляки забрали весь скотъ и поѣли, жалуясь на Наполеона, который не продовольствовалъ ихъ и предоставлялъ самимъ содержать себя, какъ знаютъ; о священникѣ [3]), который спасъ крестъ съ алтаря; о крестьянахъ и дворовыхъ, которые побрали и поломали господскія вещи, а французы ничего не тронули; какъ въ лѣсу скрывались за звѣринцемъ [4]), въ густотѣ, и изъ непріятелей никто туда не приходилъ (ст. 285).

Я спросилъ Кирея [5]), какихъ онъ былъ лѣтъ въ разореный годъ, и были ли французы въ его деревнѣ.—„Мнѣ было тогда 25 лѣтъ, когда они шли къ Москвѣ. Тогда ихъ у насъ тьма была: большакъ вѣдь отъ насъ въ 4 верстахъ

[1]) Брошюра была издана самимъ П. Д. Лесли.

[2]) Мих. Богд. Денисовичу.

[3]) Т. е. разсказывалъ крестьянинъ.

[4]) Звѣринецъ—огороженный участокъ лѣса, въ которомъ содержались олени и Ангорскія козы, около Покровскаго, въ 12 верстахъ отъ Москвы. Названіе это встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ.

[5]) Крестьянинъ дер. Плоское, Копыревщинской волости.

напрямикъ. Они забирали всѣ наши стада и угоняли. Станешь просить—они часть себѣ оставятъ, а часть отдадутъ. Когда же ихъ назадъ гнали, то ихъ съ дороги не спускали; какъ сойдутъ которые,—то казаки, которые ѣхали по сторонамъ, закалывали сейчасъ; да и мужики многихъ перебили, которые ходили грабить по 5—8 человѣкъ. Казаки Платова ночевали у насъ, а онъ самъ въ Пушкинѣ, у священника. Церковь видна недалеко изъ дому [1]). Казаки, выходя, сказали намъ: „Ну, ребята, ступайте къ Ярцеву,—тамъ вамъ пожива будетъ". Мы и отправились и все видѣли. Французовъ, какъ переправилась ихъ часть за Вопь, казаки на нихъ и налетѣли да всѣхъ и захватили: кого побили, кто въ рѣкѣ утонулъ, кого въ полонъ взяли. И начали все брать. А добра-то, добра! видимо-невидимо! И намъ сказали: „берите!"—какъ сами уже набрали, и дѣвать было некуда. Прежде было много на лошадяхъ, а теперь лошади насилу шли,—такъ на нихъ навалили, навьючили. Платовъ въ 3-хъ верстахъ велѣлъ у казаковъ все отобрать,—у нихъ уже лошади были попорчены, сбиты. Собралъ [2]) въ кучу все добро да и попалилъ, а казаковъ послалъ догонять французовъ и бить, а самъ поѣхалъ за ними. А мы какъ бросились на добро, да со всѣхъ сторонъ набѣжали мужики, какъ на ярмонку о Свѣтлую—и глаза разбѣгаются: не знаемъ, что брать; наберемъ, наберемъ—и брать некуда! Какъ опять казакамъ попадутся [3]), они лучшенькое отберутъ себѣ; лучшее въ кусты спрячемъ,—да опять за добромъ! А многіе были догадливы: съ возами туда пріѣхали, съ товарищами, да, набравъ на возъ, за кустами положатъ; одинъ останется караулить, а другой таскаетъ. Иные куда много набрали, да дорогихъ вещей! А казаки остальной скотъ побили и свиней: какъ бѣжитъ по улицѣ,—схватятъ, приколютъ, на четыре части раскроятъ, опалятъ да и готовятъ ѣсть. Бараны, куры—ничто не попадайся,—все будетъ казацкое! Да спасибо царю: какъ кончилась война, такъ велѣлъ за все заплатить. И хорошо платили. Конечно, не все до насъ дошло, что было отпущено; по рукамъ много разошлось, че-

[1]) Т. е. церковь с. Пушкина (по дорогѣ изъ Духовщины въ Дорогобужъ) изъ дома священника.

[2]) Т. е. Платовъ.

[3]) Французы.

резъ которыя проходило; да и намъ, спасибо, очень много досталось,—необидно.

Какъ потомъ послѣ Кузьмы (1 ноября) гнали къ Москвѣ полоненныхъ французовъ,—заморозки были очень холодные, а ихъ, какъ скотъ, гонятъ кучей, босоножь, безъ шапокъ, въ дрянныхъ мундиришкахъ. Имъ бы и дали все теплое, да негдѣ было взять: ужъ покаралъ ихъ, бѣдныхъ, Богъ. Натерпѣлись они,—жаль было видѣть! Да по дѣламъ ихъ Богъ наказалъ. Воюй себѣ, да надъ святыней не наругайся! А то сколько они церквей пожгли, такъ только, чтобы наругаться, да въ церковь лошадей водили, будто мѣста нѣтъ. Страшно и подумать, какія они только вещи дѣлали. А желѣза сколько они пособрали съ экипажей; вездѣ много его было, а растаскали все въ нѣсколько дней, какъ не бывало (стр. 340).

Василій Владимировичъ Куколь-Яснопольскій [1]) разсказывалъ, какъ въ 1812 году, когда 6 августа былъ оставленъ Смоленскъ, и французы, бомбардировавъ его, вступили,—его послалъ Главнокомандующій курьеромъ къ Государю. Наша армія передъ тѣмъ стояла недѣли двѣ въ 15 верстахъ отъ Смоленска, въ . . . . ., откуда онъ разъ былъ посланъ съ приказаніями въ Красное, откуда уже наши войска отступали. И онъ встрѣтилъ отрядъ ратниковъ, четырехъ братьевъ Лесли и Абрама Степановича, съ которыми было своихъ сто человѣкъ конныхъ, вооруженныхъ пиками, саблями, пистолетами. Черезъ нѣсколько дней онъ познакомился со всѣми ними, и никакъ и въ голову не приходило, что черезъ нѣсколько лѣтъ Абрамъ Степановичъ будетъ ему шуриномъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, его по инстанціямъ пересыдали отъ полиціймейстера къ коменданту, къ генералъ-губернатору, который его послалъ къ Кутузову, только что назначенному Главнокомандующимъ. У него въ залѣ еще стояло ополченское знамя съ крестомъ и надписью: „Симъ побѣдиши“. Въ пріемной было множество генералъ-адъютантовъ и разныхъ генераловъ, камергеровъ и прочей знати въ полныхъ парадныхъ мундирахъ. И его, какъ курьера къ Государю, повели прямо къ Кутузову въ кабинетъ. Куту-

[1]) Адъютантъ Багратіона.

зовъ въ шлафрокѣ сидѣлъ. Камердинеръ причесывалъ ему букли и косу заплеталъ, которую онъ носилъ до кончины. А Василій Владимировичъ себѣ отрѣзалъ, какъ только воцарился Александръ Павловичъ. Онъ былъ тогда еще въ пансіонѣ, и ему досталось: какъ онъ могъ это сдѣлать безъ спросу. Когда Кутузовъ его просилъ: „Гдѣ армія?"—онъ отвѣчалъ, какъ и всѣмъ спрашивавшимъ его: „На прежнемъ мѣстѣ". Показалъ пакетъ на имя Государя. Кутузовъ, не притрогиваясь къ нему, сказалъ своему правителю дѣлъ: „Подать послѣдній приказъ Государя Императора". Взявъ, показалъ Василію Владимировичу подпись Государя. Отдавъ правителю дѣлъ, заставилъ прочитать. Государь уполномочивалъ Кутузова останавливать курьеровъ, распечатывать и читать донесенія на его имя и дѣлать распоряженія. Кутузовъ тогда сказалъ: „Пожалуйте пакетъ". Пробѣжавъ, велѣлъ всѣмъ выйти и камердинеру. Тогда спросилъ: „Гдѣ армія"?—„Отступила отъ Смоленска".—„Другіе спрашивали Васъ объ этомъ? и какъ Вы отвѣчали?"—„Стоитъ на прежнемъ мѣстѣ".—„Очень хорошо, такъ и отвѣчайте". Распрашивалъ его о многомъ. Еще прочиталъ донесеніе, запечаталъ его въ новый пакетъ и сказалъ: „Вы отсюда прямо поѣдете къ Государю: онъ въ Финляндіи, въ Або, теперь. Васъ до заставы проводятъ, никуда не заѣзжайте". Здѣсь же дали ему новую подорожную. Жандармъ проводилъ до заставы, и онъ поѣхалъ далѣе.

Когда пріѣхалъ къ Государю, Аракчеевъ принялъ пакетъ, а ему велѣлъ дожидаться. Онъ былъ при штабѣ; большую часть проводилъ, играя въ карты съ Чернышевымъ, который потомъ былъ военный министръ, и еще двое другихъ, изъ которыхъ съ однимъ Чернышевъ былъ въ большой пріязни. Однажды они играли втроемъ. Чернышева вызвали по дѣламъ. Другой сталъ говорить Василію Владимировичу: „Остерегайтесь Вы Чернышева,—это величайшій подлецъ и негодяй". Василій Владимировичъ удивился, видя ихъ дружбу, слышать такія слова за глаза. Но каково же было его удивленіе, когда погодя другого вызвали, и Чернышевъ сталъ говорить: „Я Васъ предостерегаю,—это преопасный человѣкъ; вы его остерегайтесь, будьте осторожны, такихъ негодяевъ мало на свѣтѣ!" Василій Владимировичъ почти не вѣрилъ своимъ ушамъ,

удивляясь, какъ можно такъ говорить одному про другого и быть такъ друзьями повидимому, и подумалъ: „Вотъ придворная политика!“ (стр. 416).

1858 годъ.

Демьянъ Богдановичъ [1]) разсказывалъ подробно, какъ Щербаковъ былъ комиссаромъ Наполеона и за то получилъ портретъ, и какъ онъ другихъ взялъ къ себѣ въ помощники, и маіора . . . . . —, который отговаривался, — стращалъ разстрѣлять въ 24 часа по французскимъ законамъ, а не по русскимъ. Демьянъ Богдановичъ возилъ тогда болѣе 40 дворянъ, которые были замѣшаны волей-неволей съ Щербаковымъ и Колпинскимъ (стр. 188).

Пріѣхали Даниловы. Онъ [2]) разсказывалъ, какъ соединились съ первой арміей 1812 года, какъ отъ Краснаго отступали, какъ въ Бородинѣ на лѣвомъ флангѣ его первая пушка, имъ прицѣленная, выстрѣлила до свѣту, и французы отвѣчали изъ 150 орудій. Наканунѣ одинъ офицеръ выстрѣлилъ безъ приказанія и сдѣлалъ фальшивую тревогу. За наказаніе онъ былъ отправленъ въ обозъ. Даниловъ былъ на караулѣ, какъ 1/3 часть стояла подъ ружьемъ, и артиллеристы у орудій. Смѣнившись, отошелъ шаговъ за 50 за ящики, въ овражекъ, прилегъ уснуть, и тамъ ему чайникъ стали нагрѣвать. Лѣвая фланговая батарея была Белингсгаузена. Оттуда пришелъ офицеръ къ нему и, разбудивъ, сказалъ: „Я близорукъ; посмотрите, что это, какъ кусты, которыхъ вчера не было?“ Даниловъ отлично видѣлъ, но еще не разсвѣло. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ: „Надо выстрѣлить“.—„Вѣрно, и Вы въ обозъ захотѣли“?—сказалъ ему тотъ, шутя. Но онъ подумалъ: какъ онъ былъ бригадный адъютантъ и молодой артиллерійскій офицеръ, то авось не пошлютъ, и, сказавъ это, прицѣлилъ самъ орудіе, навелъ и выстрѣлилъ. Гулъ всѣхъ у насъ встревожилъ, начали суетиться; а прошло болѣе двухъ минутъ,—у непріятеля было тихо. Онъ подумалъ: „Вотъ и меня въ обозъ отправятъ!“—какъ оглушительная канонада грянула отъ непріятеля.

---

[1]) Потемкинъ.

[2]) Генералъ-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Даниловъ.

Онъ подробно разсказывалъ, какъ шло сраженіе подлѣ него; какъ ранили подлѣ него ихъ артиллерійскаго начальника; какъ французы пошли въ обходъ лѣваго фланга въ кусты, и Белингсгаузенъ сошелъ первый съ своей батареей изъ укрѣпленія, и тогда начали во флангъ бить. У него было пять орудій. Скоро убыло много людей и лошадей, и французы медленнымъ шагомъ огромными массами продвигались къ нему въ лѣвый флангъ. Онъ долженъ былъ въ боковомъ валу продѣлать амбразуру, тесаками и руками раскапывать землю. Передъ тѣмъ, когда онъ стрѣлялъ картечью, вдругъ услышалъ за собой выстрѣлы изъ орудій. Всѣ думали: вѣрно, непріятель обошелъ въ тылъ. Но это Кутузовъ въ Семеновкѣ,—деревнѣ, разрытой въ часъ,—поставилъ батарею большого калибра и чрезъ его батарею дѣйствовалъ навѣсно. Это нѣсколько пріостановило непріятеля. Когда ему надо было съѣзжать съ батареи, но выходъ былъ узкій и между двухъ рвовъ,—лошади перваго орудія, раненыя—изъ нихъ кровь лила—взяли на сторону; колеса орудія сошли съ проѣзда [1]). Онъ велѣлъ рубить постромки, орудіе сбросилъ въ ровъ, переправлялъ другія; послѣднее везли парой раненыхъ лошадей, и изъ всѣхъ артиллеристовъ былъ только одинъ съ банникомъ, за которымъ онъ шелъ, накинувъ солдатскую шинель. Французы уже ворвались въ укрѣпленіе, а трое обѣжало кругомъ; одинъ схватилъ за повода лошадей, а двое бросились со штыками на него сзади. Разомъ въ шинель по сторонамъ воткнули штыки; онъ ее мгновенно сбросилъ съ себя на штыки, которые запутались. Въ это мгновеніе артиллеристъ, за котораго онъ и теперь молится ежедневно: ежели живъ—за здравіе, а умеръ—за упокой,—банникомъ, размахнувшись, ударилъ одного, а тамъ другого; они упали замертво. Схвативший лошадей подъ уздцы, увидавъ, побѣжалъ прочь, а оглушенныхъ подняли и привели плѣнными, къ величайшему всѣхъ удивленію. Начальникъ его отвелъ, гдѣ и другая разбитая батарея была, и велѣлъ изъ двѣнадцати орудій составить сколько можно; онъ съ трудомъ составилъ 6, и его оставили ими командовать.

Онъ говорилъ о ходѣ сраженія, какъ все и вездѣ

[1]) Подъ орудіемъ были убиты лошади, и оно—а также лошади – заго ордили проѣздъ.

напечатано, и о диверсіи, когда казаки съ нашего праваго фланга сдѣлали атаку на его лѣвый; когда Наполеонъ подвинулъ войска, желая уничтожить нашъ лѣвый флангъ и прорваться. Когда же его остановили,—Кутузовъ сказалъ: „теперь, слава Богу, можно выпить водочки!“ Онъ разсказывалъ, какъ отступили къ Москвѣ; какъ пошли по Рязанской дорогѣ; потомъ перешли на Калужскую, къ Тарутину. Какъ сигналы были—сожженіе бараковъ, о чемъ шпіоны передали непріятелю,—то два раза жгли, не атакуя; а за третьимъ уже непріятели не ожидали. Ихъ врасплохъ атаковали и много плѣнныхъ взяли.

Какъ [1]) у Малаго Ярославца сражались, у Медыни; какъ преслѣдовали у Краснаго—отражали корпусъ; и какъ у Березины имъ досталось, и Чичаговъ попустилъ; и въ Вильнѣ какъ съ голоду они мерли; и какъ въ одной корчмѣ онъ увидѣлъ дымъ изъ трубы и, войдя на дворъ, увидѣлъ груду тѣлъ мертвыхъ и павшихъ лошадей, перемѣшанныхъ съ людьми. Въ комнатѣ, у печи, сидѣлъ французъ на грудѣ мертвыхъ тѣлъ и обгладывалъ сырую большую кость. Увидавъ это, онъ съ содроганіемъ удалился поскорѣй. Священникъ отецъ Матвѣй разсказывалъ, какъ въ Бородинскомъ сраженіи, когда велѣли разбирать Семеновку, дядя Григорій Дмитріевичъ Лесли стоялъ и смотрѣлъ, и, хотя жалко было ему, но и смѣшно; какъ одинъ крестьянинъ не хотѣлъ давать казакамъ овесъ, на который легъ, растянувъ руки,—а тѣ разбирали кругомъ овесъ, почти цѣлый закромъ. Когда же весь почти овесъ забрали, тотъ [2]) увидалъ это, махнулъ рукой и пошелъ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда уже разбирали деревню,—онъ уже не тужилъ, самъ помогалъ разбирать свой дворъ, только бы не досталось басурманамъ (стр. 235).

29 іюня. Дяди напомнили, какъ въ Бородинскомъ сраженіи, когда велѣно разбирать Семеновку (деревню), дядюшка Григорій Дмитріевичъ Лесли стоялъ, смотрѣлъ и, хотя жалко было ему, но и очень смѣшно (стр. 236) [3]).

---

[1]) Разсказывалъ Даниловъ.

[2]) Крестьянинъ.

[3]) Разсказъ этотъ доказываетъ, что отрядъ Григ. Дмитр. Лесли былъ въ Бородинскомъ сраженіи. Ополченскій эскадронъ братьевъ Лесли, по распоряженію главнокомандующаго, помогалъ выносить раненыхъ, какъ всѣ ополченцы.

23 іюля. Приходилъ Плескачевскій (который былъ письмоводителемъ у станового) для полученія медали и сказалъ: „Въ 1812 г. мнѣ вручилъ медаль предводитель Сергѣй Ивановичъ Лесли, а теперь отъ васъ получаю медаль, отъ Александра Александровича Лесли!"—„Та медаль болѣе напоминаетъ славу Россіи, нежели эта"!—отвѣчалъ я (стр. 265).

Тетушка съ Василіемъ Владиміровичемъ, помолясь въ монастырѣ надъ могилой Багратіона, у котораго онъ былъ адъютантомъ въ 1812 г., такъ усердно, какъ никогда тетушка не видала,—онъ пошелъ. У монумента, на полѣ, говорилъ о сраженіи Бородинскомъ съ солдатомъ старымъ, который былъ при монументѣ и который былъ въ этомъ сраженіи. Оба пришли въ восторгъ, одушевились, съ жаромъ говорили, гдѣ какой полкъ стоялъ, какъ сражались и отличались наши исполины-воины. Всѣ слушали ихъ молча, неподвижно: люди, съ ними бывшіе, и солдады при монументѣ, и еще нѣсколько. Солдатъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: „Слава Богу, дождался хотя одного барина, который самъ былъ здѣсь и все знаетъ настояще, какъ было!" Потомъ предложилъ, не угодно ли напиться воды, которая тамъ отличнаго вкуса, чистоты и свѣжести (стр 328).

Ольга Ивановна разсказывала о дяденькѣ Петрѣ Дмитріевичѣ, какъ онъ раздавалъ милліоны послѣ 1812 года, которые были присланы дворянамъ отъ Государя Александра Павловича. Другіе всѣ подверглись слѣдствію, которымъ подобныя раздачи были поручены; одинъ Петръ Дмитріевичъ былъ исправенъ. Дворянство выбрало его предводителемъ (стр. 459).

1859 годъ.

Демьянъ Богдановичъ [1]) о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, наканунѣ котораго Дем. Богдановичъ, получа отставку, выѣхалъ домой изъ дѣйствующей арміи съ позиціи, подавъ въ отставку еще до похода. Еще какъ онъ былъ въ ополченіи 1812 года, разные анекдоты значительные и смѣшные.

[1]) Разсказывалъ.

Подошла А. Е. [1]) показывать чудесно приготовленный кужель и превосходныя нитки тониной, ровниной, крѣпостью, которыя она хочетъ на выставку послать. Поговорили о выставкѣ, о комитетскихъ членахъ, о крестьянскомъ вопросѣ. Опять Демьянъ Богдановичъ продолжалъ разсказъ о своей военной службѣ, о сраженіи при Гельсбергѣ, какъ тамъ Ѳедоръ Сергѣевичъ Бородовицынъ, испугавшись сраженія, ушелъ и спрятался, и какъ тамъ одинъ ротный командиръ отбилъ знамя, но былъ жестоко раненъ, послалъ унтеръ-офицера отнести знамя къ начальнику. Адъютантъ полковой, ѣхавъ мимо, взялъ знамя, представилъ его, какъ будто самъ отбилъ, полагая невозможнымъ капитану остаться въ живыхъ отъ страшной раны въ голову. Но капитанъ выздоровѣлъ, не скоро, послѣ кампаніи; въ полкъ явился черезъ годъ. Видя всѣхъ награжденными, а (что) самъ болѣе всѣхъ заслужилъ, ничего не получивъ,—сталъ говорить товарищамъ: какая бы этому была причина? Узнавъ, сталъ говорить офицерамъ, какъ бы это уладить безъ огласки. Адъютантъ, офицеры предлагали дать капитану, какъ бѣдному человѣку, 500 р.,—ассигнаціями тогда считали. Капитанъ на это согласился, позвалъ адъютанта къ себѣ и еще нѣсколько офицеровъ для свидѣтелей. Онъ сказалъ: „Я калѣка, скоро долженъ оставить службу и бѣденъ,—то мнѣ нѣтъ большой нужды въ Георгіи; а вы получили неправильно за меня. Вотъ общее рѣшеніе: если вы согласны мнѣ дать 500 руб. сер.,—я буду молчать; не согласны,—то уже я не виноватъ, и совѣсть меня не упрекнетъ. Я буду отыскивать должнаго мнѣ“.—„Нѣтъ, я не согласенъ на это“,—отвѣчалъ адъютантъ:—„каждый будетъ потомъ говорить: „Вотъ онъ Георгія купилъ!“ Всѣ офицеры уговаривали и упрашивали его согласиться и для полка не допускать такой исторіи; но онъ не согласился. Капитанъ вошелъ съ просьбой о неполученіи награды за знамя и рану. Произвели слѣдствіе, открылся обманъ адъютанта; его лишили чиновъ, дворянства, разжаловали въ рядовые, а капитану дали Георгія.

Въ сраженіи при началѣ одинъ артиллерійскій офицеръ при Прейсишъ-Эйлау началъ рано стрѣлять, когда снаряды далеко не долетали до непріятеля; а какъ онъ по-

[1]) Александра Егоровна, жена Ивана Петровича Соколовскаго, которые гостили у Демьяна Богдановича Потемкина, въ Семенковѣ.

дошелъ поближе—всѣ картечи выпустилъ, взялъ на передки и поѣхалъ на линію. Проѣзжая полкъ, сказалъ, обращаясь къ офицерамъ: „Господа, будьте свидѣтелями, я всѣ снаряды разстрѣлялъ, оттого за линію ѣду".—„Трусъ, трусъ!" — послышалось нѣсколько голосовъ. А. Ермоловъ, съ конной артиллеріей ставъ на пригорокъ, подпускалъ непріятеля на очень близкое разстояніе, осыпалъ его убійственною картечью учащенными выстрѣлами; непріятель бѣжалъ. Онъ, какъ птица, переносился на другое мѣсто, подъ самый носъ непріятеля, и также обращалъ вспять; потомъ, когда подавался назадъ, онъ у того же полка, гдѣ трусъ-артиллеристъ проходилъ, говорилъ съ досадой: „Чего это артиллеристы бѣсятъ меня, трусятъ и боятся потерять орудія? Я свои отдавалъ непріятелю, а онъ не хотѣлъ брать!" Очень много и очень интересно разсказывали Иванъ Петровичъ и Демьянъ Богдановичъ о военныхъ дѣйствіяхъ и разномъ военномъ: о тогдашней формѣ, ученьяхъ, пріемахъ, житьѣ—бытьѣ офицеровъ, содержаніи солдатъ, начальникахъ, сраженіяхъ, походахъ, фуражировкѣ и проч. (стр. 127).

1860 годъ.

Николай Дормидонтовичъ Лесли разсказывалъ, что онъ служилъ въ Астраханскомъ кирасирскомъ полку; былъ въ 1814 г. все въ авангардѣ и подъ Труа раненъ въ голову. Наши кирасиры опрокинули ихъ кавалерію, врубились, далеко гнали ихъ; у кого лошадь была лучше, далѣе пронеслись. Возвращаясь на мѣсто, онъ былъ окруженъ кучкою французовъ, у которыхъ лошади были поплоше, и они отстали. Четыре человѣка лѣзли его рубить; онъ отмахивался палашомъ, пробираясь, хотя они заграждали ему дорогу, сбили съ него каску. Какъ съ боку незамѣтно подкрался кавалеристъ, по обнаженной головѣ ударилъ—разрубилъ голову. Къ счастью, онъ обхватилъ лошадь за шею, сталъ ее сильно шпорить. Въ эту минуту подоспѣлъ солдатъ, кричалъ ему: „держитесь крѣпче!" сталъ рубиться съ кавалеристами. А онъ понесся на своей лошади скоро между непріятелемъ, уходившимъ отъ нашихъ. Онъ получилъ множество ударовъ по латамъ, по спинѣ, и вся шинель была

изрублена. Онъ получилъ Владиміра, а солдата онъ представилъ къ Георгію, котораго тотъ и получилъ. Онъ не долго былъ боленъ, хотя рана была глубокая. Онъ, опять въ авангардѣ, былъ болѣе, нежели въ ста сраженіяхъ и стычкахъ: ежедневно случалось по нѣсколько разъ. И въ Парижъ, послѣ сраженія, ихъ полкъ ворвался съ бою. Въ авангардѣ случалось съ фланкерами бывать; тѣ все отступали, а иногда, собравшись въ большомъ числѣ, нападали; тогда наши отступали къ отряду, часто завязывалось дѣло. Онъ писалъ въ 1812—1814 годахъ записки, изъ которыхъ въ Крымскую кампанію далъ напечатать въ Московскую газету объ авангардныхъ дѣлахъ и порядкахъ. Когда прочиталъ въ газетахъ, какъ отрядъ нашъ, отойдя и полагая себя въ безопасности, размундштучилъ лошадей, не выставя ни пикетовъ, ни разъѣздовъ —на нихъ врасплохъ напали. Это тогда всѣхъ взбѣсило.

Теперь его сыновья двое собираются за границу, и онъ при своей скупости даетъ имъ денегъ, хотя говоритъ: „Они подъ предлогомъ нездоровья ѣдутъ, а хотя бы всѣмъ быть на свѣтѣ такъ здоровыми; за то увидятъ многое, чего не видали, и возвратясь, въ разговорахъ съ вами, вы увидите, какія тамъ перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ вы сами видали. „Онъ въ парикѣ, безъ сѣдины, а ему уже около 80 лѣтъ близко, какъ онъ говоритъ. На станціи онъ встрѣтился съ генераломъ, которому Государь поручилъ написать исторію Отечественной войны 1812 года. Увидавъ подорожную, гдѣ написано: „Астраханскій кирасирскій полкъ“,—генералъ сталъ говорить о Бородинской битвѣ. „Вотъ вашъ полкъ стоялъ тамъ-то, а такіе полки тамъ-то были расположены, тамъ командовалъ тотъ-то, а тамъ такой-то командиръ раненъ“, и очень мелкія подробности. Николай Доремидонтовичъ ему сказалъ: „Ваше Превосходительство! Вы на видъ такъ молоды, что кажется невозможнымъ быть тогда на свѣтѣ, а какъ же вы такъ подробности мелкія знаете?“—„Государь мнѣ приказалъ описать исторію Отечественной войны,—я подробно ее изучилъ“... Онъ спросилъ: „Родня ли Вамъ Лесли, о которыхъ упомянуто въ исторіи Данилевскаго? Не можете ли сообщить мнѣ какихъ подробностей?“—„Очень могу. Петръ Дмитріевичъ Лесли—мой сосѣдъ, мы одного роду, онъ одинъ изъ участвовав-

шихъ въ ополченіи съ братьями".—Дядя Петръ Дмитріевичъ послалъ описаніе этого событія, которое уже напечатано въ вышедшей исторіи 1812 года.

Съ Ник. Доремид. говорили о Леслевскомъ родѣ, какъ долго не утверждали въ дворянствѣ, о любви Леслевскаго рода къ Отечеству и военной службѣ; ни одного не было изъ предковъ и современниковъ въ гражданской, только Володя Лесли, Петра Дмитріевича сынъ, изъ Кадетскаго корпуса, гдѣ уже зачисленъ былъ, по болѣзни ноги долженъ былъ опредѣлиться въ штатскую службу. Онъ теперь въ Петербургѣ съ сосѣдомъ Гриневымъ. Еще говорили о военной службѣ, каждый о своей, и проч, и о разстрѣляніи Энгельгардта и Шубина подлѣ Смоленской стѣны.

Въ его имѣніи, которое отецъ устроилъ, назвавъ Вальдорфъ, подлѣ Лаврова, Духовщинскаго у., въ 1812 году, когда французы еще шли въ Москву, 12 итальянцевъ туда забрались; приказчикъ ихъ хорошо поилъ, кормилъ, покоилъ. Изъ Духовщины пріѣхалъ мѣщанинъ, сталъ ему говорить: „Зачѣмъ ты имъ такъ угождаешь? Надо убить: самъ архіерей благословилъ истреблять ихъ".—„Да какъ же это сдѣлать?"—„Я улажу,—ты только дѣлай, какъ я скажу". Въ озеро было опущено нѣсколько бочекъ горѣлки. Мѣщанинъ знаками далъ имъ знать объ этомъ. Итальянцы обрадовались, пошли съ мѣщаниномъ, достали горѣлку, начали пить. Мѣщанинъ сказалъ приказчику дать имъ селедки или соленаго чего-нибудь. Они ѣли да запивали. Когда напились безъ чувствъ, ихъ обезоружили, раздѣли совершенно, связали и живыми закопали (стр. 89—90).

Курганы 1812 г. на горѣ Николо-Словажской не по преданію извѣстны, но много еще стариковъ, которые очень помнятъ это (стр. 133).

Павелъ Ефимовичъ [1])—разсказывалъ, какъ въ 1812 г. въ Копыревщинѣ [2]), когда ему было 9 лѣтъ, онъ былъ въ саду со своимъ отцомъ Ефимомъ, который былъ садовникъ. Подъѣхалъ къ загородкѣ непріятельскій солдатъ и чистымъ русскимъ языкомъ—вѣроятно, полякъ—звалъ: „Подите сюда!" Они стали уходить, побѣжали. Онъ выстрѣлилъ въ нихъ въ 10 шагахъ; пуля мимо пролетѣла. Солдатъ закричалъ: „Ступайте сюда, а то застрѣлю!" Они

[1]) Шереметевъ—крѣпостной человѣкъ, лѣкарь.

[2]) Имѣніе Лесли.

подошли. Онъ распрашивалъ, гдѣ староста, Въ эту минуту изъ-подъ дому, изъ погреба, Барщевскій выводилъ лошадь осѣдланную, хотѣлъ уѣхать отъ французовъ, приготовя и прежде тамъ спрятавъ лошадь. Ефимъ сказалъ: „Вотъ староста!"—Нѣтъ, это—Барщевскій!" И бросился на него, остановилъ. Еще нѣсколько подоспѣло, начали бить Барщевскаго, требуя денегъ, и повели его къ нему. А Ефимъ и Павелъ убѣжали въ лѣсъ, гдѣ скрывались нѣсколько дней. А солдатъ французскихъ войскъ, вѣрно, былъ откуда-нибудь не издалека полякъ, какъ онъ зналъ Барщевскаго (стр. 226).

Много интереснаго говорилъ дяденька Петръ Дмитріевичъ объ ополченіи, о сформированіи папенькою и имъ ополченія, о томъ, какъ всѣ дяденьки были въ фракахъ въ Бородинскомъ сраженіи: Петръ Дмитріевичъ за адъютанта въ жаркомъ дѣлѣ, а другіе со своими командами; но у всѣхъ были кресты за Прейсишъ-Эйлау на Георгіевскихъ лентахъ,— то и солдаты находились въ дисциплинѣ. Подъ Краснымъ Петръ Дмитріевичъ командовалъ цѣлымъ эскадрономъ драгунъ во фракѣ, и отлично всѣ рубились противъ сильнѣйшаго непріятеля, который совершенно окружилъ [1]). О Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи, объ историкахъ, какъ они правильно и подробно пищутъ, а иные не только то, чего не было, но совершенно превратно, и это хуже небылицы. (стр. 297).

Иванъ Николаевичъ Чеславскій былъ артиллерійскій офицеръ; ходилъ въ 1809 году по льду въ Швецію, во время войны, по Ботническому заливу Балтійскаго моря; дѣлалъ кампанію въ Отечественную войну 1812—1815 г., былъ во многихъ сраженіяхъ, а въ 1824 году вышелъ въ отставку артиллеріи полковникомъ. Марія Ѳеодоровна была няней при дѣтяхъ сестры Наталіи Бреверна. Она—француженка. Въ 1812 году здѣсь осталась очень молодая, вышла замужъ за Цызырева, дворовaго человѣка; была няней при дѣтяхъ; потомъ захотѣла выкупиться на волю съ семействомъ; ходила въ Парижъ, пѣшкомъ большую часть дороги; тамъ у родныхъ и отъ другихъ пожертвованія собрала, а на возвратномъ пути отъ Прусскаго короля получила значительное пособіе, который къ нашему правительству писалъ,

[1]) Дяденька Петръ Дмитріевичъ говорилъ еще.

прося содѣйствовать ея освобожденію отъ крѣпостной зависимости. Отъ имени Государя Николая Павловича писали объ этомъ къ Цызыреву. Въ Парижѣ много объ этомъ говорили, какъ француженка свободная сдѣлалась крѣпостною (стр. 309).

Около 9 ч. приходила ко мнѣ дочь Маріи Ѳеодоровны, которая замужемъ за мѣщаниномъ въ Дорогобужѣ, занимающимся позолотой рѣзьбы и проч. Марья Ѳеодоровна была нянней при дѣтяхъ сестры Наташи [1]) Бреверн. Она француженка [2])... Въ Парижѣ много говорили, какъ француженка свободная сдѣлалась крѣпостной. У насъ были сдѣланы перемѣны въ законѣ объ отъѣздѣ за границу съ крѣпостными людьми, которымъ велѣно было сперва дать вольную. Вопросъ о свободѣ крѣпостныхъ сталъ развиваться у насъ и за границей, и ея хожденіе туда сильно подвинуло этотъ вопросъ впередъ и здѣсь и заграничнымъ вліяніемъ на наше правительство (стр. 328).

1861 годъ.

25 Января. Маменька разсказывала, съ какимъ парадомъ закладывали фундаментъ бывшаго Кадетскаго Корпуса здѣсь, въ Смоленскѣ,—гдѣ Петрушевскій былъ учителемъ, а Добрышинъ Филиппъ [3]) дежурнымъ офицеромъ. На закладкѣ войска были въ строю, стрѣляли изъ ружей и пушекъ, трезвоня во всѣ колокола, во всѣхъ церквахъ. Послѣ молебна архіерейскаго со всѣмъ духовенствомъ на воздухѣ, здѣсь же были столы для общества, а послѣ для мастеровыхъ. Сравнивали съ закладкой гимназіи. Мнѣ кажется, это было торжественнѣе, какъ самъ Государь былъ, и не только со всей губерніи, но и изъ другихъ многіе съѣзжались. А маменькѣ то кажется параднѣе, какъ тогда войско было въ строю. Строеніе не скоро окончили. Когда объявили пріемъ, первыми были записаны два брата Потемкиныхъ, какіе-то родные Свѣтлѣйшему, котораго уже давно не было на свѣтѣ. Они были тоже родные Каховскимъ. Въ 1812 году, когда французы приближались, кадетъ увезли въ

[1]) Наталіи Петровны.

[2]) Опускается буквальное повтореніе предыдущаго.

[3]) Рославльскіе дворяне, родственники Лесли.

Кострому; строеніе было разрушено пожаромъ. Я помню, какъ полуразрушенныя стѣны еще стояли, и между строеніями были тропинки, по которымъ въ дѣтствѣ я хаживалъ. Всѣ опасались паденія, которое часто случалось по частямъ (35 стр.) [1]).

Говорили съ Михаиломъ Викентьевичемъ о его ранахъ и о сраженіяхъ. Въ Порѣчьѣ была цѣлая дивизія гусаръ. Его послали оттуда верхомъ въ Смоленскъ, съ депешами къ Великому Князю Константину Павловичу; дали гусара. Не кормя, они доѣхали. Поставили лошадей у Николая Васильевича Каховскаго въ домѣ кормиться. Тамъ уже никого не было. Явившись чрезъ дежурнаго генерала къ Великому Князю, просился съѣздить къ роднымъ. Тотъ его отпустилъ на 24 часа. Нанялъ ямщика до Михайловскаго. Когда сѣлъ уже въ телѣгу и сказалъ, куда ѣхать,—тотъ отказался, такъ какъ тамъ уже были близко французы. Онъ другого нанялъ, не говоря, въ какую сторону ѣхать. Въ Михайловскомъ никого не нашелъ, помолился Богу въ родительскомъ домѣ. Въ Глухово заѣхалъ—и тамъ ни души, только нѣсколько дворовыхъ. Къ Великому Князю явился, ему дали депешу.—Онъ—въ Порѣчье [2]) на своемъ лихомъ ворономъ конѣ, за котораго тогда заплатилъ полторы тысячи ассигнаціями. Часа чрезъ 2 вся гусарская дивизія на рысяхъ къ Смоленску шла, не отдыхая почти. Не доѣзжая до Смоленска 10 верстъ, на горѣ, недалеко отъ Петербургской заставы, вся дивизія расположилась. Дивизіонный командиръ отправился къ Великому Князю. На другой день велѣли верстъ 10 ниже Смоленска переправиться чрезъ Днѣпръ, напасть на непріятеля съ тылу. Когда онъ уже отъ Краснаго подходилъ къ Смоленску, у Днѣпра лошадямъ отпустили подпруги, отстегнули цѣпочки мундштуковъ справа. По три пустились черезъ рѣку. Плыть пришлось немного. Къ лѣвому берегу болѣе половины лошади шли; переправа благополучно совершилась. Покормивъ немного лошадей подножной травой, размундштуча, держа въ поводу, сами голодая третій день, получили приказаніе идти проселкомъ къ Красному.

[1]) Зданіе Кадетскаго Корпуса находилось на углу Кадетской и Благовѣщенской улицъ. Онъ переведенъ былъ въ Смоленскъ изъ Гродно въ 1810 г. Съ 1824 г. онъ находится въ Москвѣ и носитъ названіе 1-го Кадетскаго Корпуса.

[2]) Т. е. поскакалъ обратно.

Только прошли 15 верстъ, наступила ночь,—какъ получили приказаніе той же дорогой вернуться какъ можно скорѣе. „Мы только пробрались на Покровскую гору, какъ узнали о сдачѣ Смоленска. А передъ тѣмъ все канонаду слышали. Не успѣли перевести духу,—получили приказаніе поспѣшить на Московскую дорогу, къ Волчейкѣ. Тамъ расположились въ низинѣ. Меня послали осмотрѣть непріятеля. Я увидѣлъ его намѣреніе обойти насъ. Кругомъ—болото. Во весь духъ далъ знать начальнику дивизіи. Онъ послалъ артиллерію за болото, которая отлично дѣйствовала по кавалеріи французовъ, а та не могла чрезъ топкое болото подъѣхать. А нашъ полкъ съ другой стороны въ атаку на непріятельскую кавалерію ходилъ семь разъ; а когда пошли въ осьмой,—пуля изъ пистолета пролетѣла насквозь въ правомъ боку, немного ниже паха. Два гусара меня поддерживали и повезли на перевязочный пунктъ. Докторъ нѣсколько разъ начиналъ перевязывать. Ядро какъ просвиститъ мимо,—онъ броситъ меня и уходитъ далѣе; его опять отыщутъ. Насилу за четвертымъ или пятымъ разомъ окончилъ. А между тѣмъ гусаръ уѣхалъ въ обозъ отыскивать мою телѣгу. Въ ней лежалъ раненый какой-то полковникъ. Они безъ церемоніи его вынули, положили на траву, сказавъ людямъ, которые были при немъ: „Это телѣга тройкой нашего офицера Михаила Викентьевича". Какъ стали дѣлать перевязку, съ нимъ сдѣлался обморокъ. Онъ не помнитъ или очень смутно, какъ его переносили съ мѣста на мѣсто перевязывать, какъ его на телѣгу уложили. Дорогой онъ совсѣмъ пришелъ въ себя. Такъ онъ ѣхалъ при полку недолго, а отправился поскорѣе въ Москву, гдѣ нашелъ дядю, князя Василія Васильевича Соколинскаго, съ семействомъ, уходящаго отъ французовъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ лежалъ въ саду недалеко отъ оранжереи. Услышалъ гулъ далекой канонады. Войдя въ комнаты, разсказалъ это дядѣ и прочимъ. Черезъ нѣсколько дней узнали о сраженіи подъ Бородинымъ, отъ котораго былъ слышенъ гулъ. Отъ графа Растопчина разносили подписки, всѣмъ запрещающія выѣзжать изъ Москвы. Михаилъ Викентьевичъ въ гусарскихъ рейтузахъ, со шпорами, накинувъ плащъ короткій безъ рукавовъ, такъ какъ

ничего не могъ надѣть въ рукава, поѣхалъ, думая достать оружія и зарядовъ для дворовыхъ людей дяденькиныхъ, князевыхъ и своихъ. Всѣхъ было 8 человѣкъ, которые ѣхали за нимъ, какъ увидѣли много народа, несущаго оружіе. Спросилъ: „Откуда?"—„Изъ арсенала,—который открытъ: всякій беретъ, что кто хочетъ взять". Взявъ тамъ всякаго оружія, а болѣе всего пистолетовъ, возвращался къ дяденькѣ, какъ увидѣлъ французскихъ шасеровъ. Но, полагая, не нашихъ ли такъ нарядили, велѣлъ людямъ остановиться, сказавъ: „Ежели махну платкомъ, то ступайте ко мнѣ (а они были всѣ верхами); а когда это непріятели, то къ вамъ пріѣду". Подъѣхавъ къ фронту, который стоялъ ружье у ноги, спросилъ: „Какого полку?" Офицеръ сказалъ: „C'est une officier russe". Съ этимъ словомъ,—я самъ не помню, какъ,—затянувъ поводья лошади, лѣвую шпору далъ. Она взвилась надыбы, сдѣлала курбетъ, повернулась назадъ, и я понесся къ своимъ людямъ маршъ—маршемъ, крикнувъ имъ: „За мной!" Они понеслись, но упряжныя лошади не могли поспѣвать за мною. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, не зная, куда ѣхать,—остановился; подождалъ, пока люди подъѣхали. Христофоръ зналъ, какъ добраться до квартиры.

Тамъ дяденька сказалъ: „Велите скорѣй запрягать лошадей! Поѣдемъ,—всѣ ѣдутъ изъ Москвы".—„Я нездоровъ, да и подписки дали не выѣзжать,—нельзя ѣхать". Я сталъ уговаривать, не говоря о французахъ, которые уже заняли Москву, не желая разстраивать больше. Дяденька спросилъ: „Тетушка княгиня гдѣ?"—„Поѣхала къ Кремлю за покупками". Услыша это, опять на коня—ее искать. Проѣхавъ по Тверской недалеко отъ Кремля, смотрю—ея карета, разношерстныя лошади—и пѣгія и всякія, и издали вижу: ее остановили—кто и зачѣмъ,—не знаю. Подскакавъ, вижу: всякій сбродъ полѣзъ въ карету; остановя, вошли съ обѣихъ сторонъ въ дверцы, нѣсколько сзади сѣло, и на козлы къ кучеру забрались. Со мною пистолеты двухствольные, заряженные. Я ихъ нацѣлилъ и крикнулъ: „Вонъ, прочь отсюда всѣ!" Выжилъ скоро всѣхъ. Велѣлъ скорѣе ѣхать на квартиру, не откладывая лошадей.

Поскорѣе все уложили, больного дяденьку посадили. Князь Михаилъ былъ тогда уже порядочный мальчикъ, а князь Николай съ небольшимъ двухъ лѣтъ. Выбрались по Тверской

къ заставѣ, куда тянулись сперва всякіе экипажи въ одинъ рядъ, погодя—въ два, а тамъ и въ три—четыре, во всю ширину улицы. Наконецъ столпились и остановились. Задніе кричатъ: „Чего стали? Пошелъ!“ Долго не знали; послѣ передніе, передавая одни другимъ, кричали: „Въ заставу не пропускаютъ“! Я былъ верхомъ подлѣ экипажа тетеньки—княгини. Сталъ съ трудомъ пробираться; едва-едва могъ проѣхать къ заставѣ. Тамъ вмѣсто часового стоялъ какой-то, въ партикулярномъ сюртукѣ, съ черною перевязью и портупеею егерскою, на часахъ. Спросилъ у него: „Отчего ты не пускаешь?“—„Не приказано“. Тамъ еще было нѣсколько такихъ же. Я опять поѣхалъ назадъ, крича людямъ: „Впередъ! Тамъ дожидайтесь моего приказанія“. Сказавъ дяденькѣ, какъ распорядился,—опять къ заставѣ, гдѣ уже собралось болѣе 200 людей. Крикнулъ: „Отворяй заставу!“ Мигомъ отворили. Куда дѣлись часовые въ сюртукахъ,—не знаю; они уже не мѣшали. Потянулись. Дождавшись своихъ и Князева семейства, поѣхалъ около нихъ. Экипажей полтораста большихъ, кромѣ разныхъ другихъ, тянулось.

Проѣхавъ версты двѣ или около того, увидѣлъ гусаръ какихъ-то. Подъѣхавъ къ нимъ, сказалъ, кто я и отчего въ такомъ плащѣ; сказалъ о сдачѣ Москвы и просилъ эскадроннаго командира къ заставѣ подъѣхать и какимъ-то злонамѣреннымъ людямъ не позволять удерживать желающихъ выѣхать. Эскадронный командиръ поѣхалъ къ заставѣ ту же минуту. Проѣхавъ еще около десяти верстъ, увидѣли очень много войска, расположеннаго на возвышенностяхъ. Я поскакалъ впередъ. У самой дороги стоялъ командиръ дивизіи, которая была тамъ съ нимъ; было много генераловъ и другихъ офицеровъ. Когда я подъѣхалъ, онъ меня спросилъ о Москвѣ. Я только выговорилъ: „Она сдана: французы уже заняли ее“,—какъ онъ на меня крикнулъ: „Какъ Вы осмѣливаетесь мнѣ такія вещи говорить?“—„Ваше Превосходительство, я удивляюсь, какъ вы позволяете себѣ такъ говорить, не зная—кому. Я самъ подъѣзжалъ къ фронту шасеровъ, на улицѣ выстроенныхъ во фронтъ. Всѣ изъ Москвы бѣгутъ“. Тогда генералъ перемѣнилъ тонъ; удивлялся, какъ никому не дали знать; сталъ разспрашивать о подробностяхъ.

Между тѣмъ длинная вереница обозовъ и экипажей подъѣхала; стали разспрашивать многихъ. Проѣхали еще нѣсколько. Стало смеркаться. Многіе экипажи разъѣхались въ разныя стороны: многіе уѣхали впередъ, другіе отстали. Я сказалъ: „Мы остановимся на полѣ бивуакомъ, а то въ деревнѣ люди разбредутся,—не будетъ толку. Какая-то барыня молоденькая, съ ребенкомъ, которую взяли на улицѣ изъ жалости, расплакалась: „Какъ можно на бивуакахъ ночевать?“ Но я настоялъ,—расположились. Я разставилъ часовыхъ изъ нашихъ людей, назначилъ смѣну; лошадей въ одно мѣсто къ корму. Когда я все устроилъ,—хотѣлъ съ лошади сойти, но не могъ—ослабѣлъ. Изъ ранъ обѣихъ спереди и сзади, какъ перевязка съѣхала внизъ, крови ужасно много вышло, и запеклось не только у меня на боку и на ногахъ, но и въ сапогѣ. Я сгоряча ничего не чувствовалъ. Меня сняли; я въ обморокъ упалъ, ничего не помня. Тетушка—княгиня безъ доктора стала за мной ухаживать, сама раны перевязала. Всѣ за меня перепугались, насилу въ чувство привели. А на другой день опять ѣхалъ верхомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ что значитъ молодость и сила! А теперь пришла самая лучшая пора—жениться: какъ нѣтъ ни одного зуба во рту,—не укушу уже жены.

Какъ ни караулили мы свои экипажи и лошадей (хотя съ нами было еще нѣсколько экипажей, а всѣ разъѣхались, кто куда попало), но ночью украли лошадь бѣлую дядюшкину. Поѣхали въ пять лошадей, нечего дѣлать. Проѣхавъ немного,—смотрю, казакъ ведетъ эту лошадь. Я къ нему подскакалъ, спросилъ: „Откуда у тебя эта лошадь?“—„Моя собственная“. Я подумалъ: можетъ быть, я и ошибаюсь. Но, подъѣхавши, княжіе люди узнали свою лошадь и бросились отнимать. Тогда я людямъ велѣлъ разложить казака да его же нагайкой хорошенько, приговаривая: „Не воруй!“ Онъ обѣщалъ никогда этого не дѣлать. Ну, да гдѣ ему выдержать! А все-таки проучили порядкомъ.

Съ Тверской дороги мы пробрались въ Кострому. Тамъ раненый былъ Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій. Онъ взялъ меня къ себѣ въ квартиру; мы съ нимъ вмѣстѣ лежали, лѣчились. Онъ прежде выздоровѣлъ и уѣхалъ опять сражаться, а я послѣ выѣхалъ изъ Костромы. Полкъ былъ уже за границей. Я заѣхалъ домой, поѣхалъ далѣе

догонять полкъ. Какъ въ Могилевѣ смотритель станціи сказалъ: „Не велѣно раненымъ офицерамъ давать лошадей; вотъ предписаніе: имъ велѣно являться къ корпусному командиру". Нечего дѣлать: не зная, зачѣмъ это распоряженіе, отправился къ корпусному командиру. Онъ мнѣ сказалъ: „По Высочайшему повелѣнію, вы должны здѣсь оставаться для сформированія запаснаго войска". Я сталъ отпрашиваться, говоря: „За то, что я раненъ, меня не пускаютъ въ полкъ? Мои товарищи, которые моложе меня, теперь меня по службѣ обгонятъ". Очень просился. Но онъ отвѣчалъ: „Я не смѣю,—это по Высочайшему повелѣнію". Нечего дѣлать: оставили, велѣли принять должность адъютанта штабнаго. Тамъ множество собралось всѣхъ полковъ офицеровъ, пѣшихъ и конныхъ, но я скоро бѣжалъ оттуда.

На мое счастье, надо было посылать депешу въ нашу дивизію. Я сталъ проситься меня туда послать, говоря: „Я тамъ продамъ лошадей и прочее мнѣ теперь ненужное, а также заберу нужное; а то мнѣ здѣсь очень трудно жить". Меня отправили, отдавъ депешу. Я—въ полкъ; командиру сказалъ, какъ я ушелъ изъ Могилева, желая быть съ полкомъ. Онъ сказалъ: „Хорошо!" Обратно съ депешей послали другого. А когда меня требовали, то полковой командиръ два раза отвѣчалъ: „По разстроенному здоровью отъ раны не можетъ быть отправленъ".

Такъ съ полкомъ былъ во многихъ сраженіяхъ. Переправлялся черезъ Рейнъ. Чудо, какія тамъ мѣста! Во Франціи во многихъ городахъ [1]), всего около четырехъ лѣтъ. Въ Парижѣ [2]), когда вступали, и какъ народъ удивлялся башкирамъ, киргизамъ, калмыкамъ, ихъ колчанамъ и стрѣламъ. Мнѣ пришлось первому стрѣлять по Наполеоновскимъ войскамъ. Когда у Ковны ожидали переправы Наполеоновыхъ войскъ,—я былъ въ разъѣздахъ по берегу. Намъ было приказано не стрѣлять и никакого дѣла не начинать, а отступать, имѣя непріятеля въ виду. Но какъ русскому утерпѣть—пускать на свою землю, да хотя изъ пистолета не попотчевать врага свинцомъ? Только переправилось нѣ-

[1]) Т. е. былъ.

[2]) Былъ.

сколько французовъ,— мы завязали съ ними перестрѣлку. Но скоро ихъ было множество на нашемъ берегу, а черезъ Нѣманъ наводили понтоны на нашихъ глазахъ. Досадно было. Стали ретироваться потихоньку. А ихъ разъѣзды за нами въ виду, но не трогаютъ. Когда же подъѣхали къ мосту—онъ разобранъ. Вотъ тебѣ и слушайся приказаній, особенно въ военное время! Къ счастью, выше по рѣкѣ мы знали бродъ. Поѣхали туда,—французы за нами: нехотя указали имъ бродъ. Такъ все ретировались до Порѣчья, откуда я началъ разсказывать, какъ былъ раненъ.

Разсказъ М. В. Глѣбицкаго—Іозефовича о Голынскомъ [1]).

... Голынскій купилъ у Азанчевскаго 200 саж. дровъ. Это было при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Голынскій—Могилевской губерніи, Азанчевскій—Краснинскаго уѣзда. Оба богатые помѣщики; у нихъ земли межа съ межой. 100 саж. дровъ были выложены въ сажени въ одномъ мѣстѣ. Послѣ того начали прямо изъ лѣса возить не только дрова, но и бревна по всѣмъ фольваркамъ—и не только для Голынскаго, но крестьяне и для себя. Приказчикъ и полѣсовщикъ запрещали, а тѣ, не слушая, продолжали возить—даже когда Азанчевскому, отцу Евменія Яковлевича, дали знать. Онъ требовалъ прекращенія расхищенія лѣса. Голынскій не унимался. Со множествомъ крестьянъ, со всѣхъ селеній и фольварковъ согнанныхъ къ тому мѣсту, возили да возили. Азанчевскій пожаловался въ судъ. Началась ссора. Азанчевскій загналъ скотъ Голынскаго, зашедшій на его луга. Голынскій, отомстить желая, загналъ скотъ Азанчевскаго. Азанчевскій загналъ табунъ лошадей за потраву въ своихъ поляхъ. Голынскій выбралъ случай—тоже сдѣлалъ. До Азанчевскаго дошли слухи о сборѣ у Голынскаго въ имѣніи 300 человѣкъ пѣшихъ крестьянъ и 200 конныхъ, вооруженныхъ не только палками, но и ружьями, саблями, казацкими писками—кто какъ попало—для нападенія на него. Далъ знать объ этомъ полиціи, заявляя и объ опасности для его жизни. Начальство послало туда засѣдателя или станового, принять мѣры къ защитѣ.

Тотъ, собравъ человѣкъ до 100 постороннихъ, явился къ Азанчевскому, велѣлъ людямъ тайно спрятаться по обѣимъ сторонамъ, а людей нѣсколько верхами разставили, въ родѣ

[1]) На какихъ страницахъ помѣщенъ этотъ разсказъ,—не удалось найти.

махальныхъ, дать знать, когда тронется Голынскій со своею шайкою. Насталъ вечеръ, стемнѣло. Азанчевскій сѣлъ пить чай со становымъ, который приказалъ народу, сидѣвшему въ засадѣ, тихо скрывшись быть, не показываться до условленнаго знака. Въ то время, какъ они пили чай, прискакалъ одинъ дать знать:—„Идутъ“. Немного погодя другой прискакалъ сообщить:—„Ужъ близко“. Когда Голынскій со своимъ коннымъ и пѣшимъ отрядомъ вошелъ на дворъ,—становой спрятался за печь. Азанчевскій продолжалъ пить чай. Вошелъ Голынскій; поздоровался, какъ прежде, съ сосѣдомъ. Азанчевскій спросилъ:—„Позвольте узнать, съ какимъ намѣреніемъ вы пожаловали ко мнѣ?“—„Навѣстить сосѣда.“—„А, когда такъ —милости прошу со мной чай кушать.“ Усѣлись, пили, разговаривали, какъ бы никогда не было между ними никакой ссоры. Когда отпили, Голынскій всталъ—проситъ Азанчевскаго къ себѣ на чай, какъ онъ не отказался отъ его чая. —„Съ большимъ удовольствіемъ“,—отвѣчалъ Азанчевскій. —„Пожалуйте сегодня.“—„Не могу, уже поздно“. Голынскій настаивалъ, Азанчевскій отказывался.

Послѣ болѣе горячихъ приступовъ и отказовъ, Голынскій сказалъ:—„Когда такъ, то—эй, люди! Ведите его!“—Азанчевскаго повели. Онъ не сопротивлялся. Его положили на телѣгу, повезли въ имѣніе Голынскаго, у котораго было подготовлено уже: въ судъ было подано о пропажѣ 3 лошадей, украденныхъ имъ самимъ,—подробныя примѣты. Голынскій, возвратясь къ себѣ, сѣлъ пить чай. Въ комнату къ нему ввели Азанчевскаго въ рубищѣ, крестьянской старой одеждѣ, подпоясанной одной оброткой, и на каждомъ плечѣ по оброткѣ повязано. Двое его держали. Доложили Голынскому:—„Вотъ мы поймали человѣка съ украденными у васъ лошадьми,—вотъ и лошади здѣсь“. Голынскій, обратясь къ нему, сталъ спрашивать: —„Кто это за человѣкъ, и какъ укралъ у меня лошадей?“ —„Эй, Голынскій, перестань это дѣлать,—на свою голову бѣду накликаешь: теперь я въ твоихъ рукахъ—дѣлай, что хочешь,— ты все можешь теперь; а смотри, кончится худо для тебя.“ Азанчевскаго двое держали, какъ будто въ самомъ дѣлѣ поймали. Голынскій на его слова сталъ отвѣчать, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не зная:—„Что ты за вздоръ городишь! Лучше признавайся, какъ укралъ, кто твои сообщники и кто ты такой!“—„Перестань, Голынскій! На свою голову ты бѣду

накликаешь! Повторяю тебѣ: худо кончится съ тобою."—„Ну, ты не признаешься, кто ты и какъ укралъ лошадей? Отведите его—да караульте строго. А завтра отвезти въ земскій судъ въ Мстиславль,—сегодня поздно, ночь".

На другой день Азанчевскаго привязали къ телѣгѣ, самой простой. Положивъ на спину, руки растянули на крестъ и, обѣ ноги прикрутивъ, повезли въ городъ. Позади вели лошадей мнимо-украденныхъ. Подъѣхавъ къ корчмѣ, остановились. Азанчевскій ничего не пилъ, не только водки. Ему насильно открыли ротъ крючкомъ, которымъ лапти плетутъ,—влили въ горло; въ другой корчмѣ—тоже, и въ каждой подливали насильно, раскрывая инструментомъ ротъ, горѣлки. Въ Мстиславлѣ Азанчевскаго ввели въ земскій судъ. Двое его держали. Его стали допрашивать, какъ и гдѣ укралъ лошадей, кто онъ и откуда. А онъ, будучи до чрезвычайности пьянъ, болтаетъ языкомъ,—даже слова не можетъ сказать. Не могши добиться слова и видя вора, приведеннаго съ поличнымъ, не зная его,—отправили засадить подъ арестъ. Онъ тамъ спалъ, какъ неживой. Проспавшись, былъ какъ больной; не понималъ дѣлавшагося вокругъ и, никогда не пивъ, отъ насильственнаго вливанія въ него водки занемогъ. Онъ хотя говорилъ, кто онъ,—ему не могли вѣрить. Призвали на третій день въ судъ—и онъ подробно показываетъ, какъ съ нимъ поступилъ Голынскій. Видя его въ рубищѣ, не вѣрили, онъ-ли Азанчевскій. Въ это время одинъ его сосѣдъ, очень хорошо его знавшій, проѣзжая Мстиславлемъ, зашелъ въ земскій судъ по своему дѣлу. Увидалъ его въ такомъ видѣ; смотритъ съ удивленіемъ, не вѣря своимъ глазамъ—и узналъ, когда тотъ сталъ съ нимъ разговаривать, разсказавъ про продѣлку Голынскаго. Убѣдясь въ его личности, исправникъ выпустилъ его изъ суда, обязавъ подпиской никуда не отлучаться изъ Мстиславля.

Азанчевскій подалъ на Голынскаго просьбу. Засѣдатель, бывшій у него, послалъ начальству донесеніе. Дошло до Императора Павла Петровича, который приказалъ въ 7 дней доставить къ нему Голынскаго; а если не найдутъ, то исправника представить. Голынскій спрятался у сосѣда въ амбарѣ. Но исправникъ, испугавшись, разыскалъ его, арестовалъ и, подъ конвоемъ двухъ человѣкъ, съ курьеромъ отправилъ въ Петербургъ. Въ это время Императоръ Па-

велъ Петровичъ дѣлалъ смотръ войскамъ на площади и былъ сильно разстроенъ, не въ духѣ. Вдругъ слышитъ звонъ кололольчика. Подскакалъ курьеръ. Павелъ Петровичъ спрашиваетъ:—„Кто?“ Ему докладываютъ:—„Привезли Голынскаго“.—„Ты Голынскій? Ты такъ-то и такъ поступилъ съ Азанчевскимъ?“—„Виноватъ, Ваше Императорское Величество“. Збродливъ какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ почти всякій полякъ.—„А, Я теперь тебя по-родительски накажу, а судъ своимъ порядкомъ. Дать ему 300 палокъ“. ...А потомъ его въ казематъ Азанчевскій дѣло продолжалъ. У Голынскаго былъ адвокатъ пройдоха, но и тотъ ничего сдѣлать не могъ.

Тѣмъ временемъ Императоръ Павелъ Петровичъ умеръ. Адвокатъ написалъ вексель на 20 тыс. рублей, взялъ нотаріуса и пробрался съ нимъ къ Голынскому въ казематъ. Тогда, по случаю смерти Императора, не такъ строго стало. Онъ надѣялся, что по случаю восшествія на престолъ новаго Государя, или коронаціи, выйдетъ манифестъ.—„Вотъ я хлопоталъ по вашему дѣлу, истратился. Теперь надѣюсь дѣло выиграть. Только деньги нужны. Подпишите вексель на 20 тысячъ“.—„Я не только на 20 тысячъ, а и на 100 тысячъ готовъ подписать, да не надѣюсь, что меня отсюда выпустятъ“. Голынскій ничего не зналъ о смерти Императора Павла Петровича.

Адвокатъ не ошибся. Скоро дѣйствительно вышелъ манифестъ, и Голынскаго выпустили.

Тотъ-же Голынскій въ 1812 году, когда Наполеонъ взялъ Смоленскъ, былъ назначенъ маршалкомъ, т. е. предводителемъ губернскимъ въ Смоленскѣ. Когда наши опять, прогоняя французовъ, возвратили Смоленскъ, то Голынскій выѣхалъ проселками въ каретѣ, взявъ съ собою адъютанта Наполеона. Онъ былъ уже недалеко отъ себя, какъ казаки наѣхали, остановили, стали разспрашивать. Какъ онъ хорошо, чисто по-русски говорилъ, объяснивъ о близости своего имѣнія, куда онъ ѣхалъ,—его уже хотѣли отпустить; но когда у другого спросили, кто онъ, и тотъ ни слова не могъ отвѣтить, не зная русскаго языка,—тогда казаки вытащили Голынскаго, дали ему 300 нагаекъ и отправили, какъ измѣнника, а адъютанта Наполеона, какъ военноплѣннаго, куда слѣдовало. До каземата Голынскій былъ вдовцомъ, будучи

первый разъ женатъ на княжнѣ Соколинской; а пробывъ 6 лѣтъ въ казематѣ, выпущенный, женился на княжнѣ Шаховской.

1863 годъ.

Шоссе (Московское) было бы гораздо дешевле провести, придерживаясь направленія старой дороги; но, когда объ этомъ разсуждали, то Толь [1]), бывшій въ сраженіи подъ Смоленскомъ въ 1812 г., при отступленіи нашихъ войскъ къ Москвѣ, когда ихъ сильно поражала французская артиллерія съ высотъ противоположнаго берега,—совѣтовалъ провести дорогу нѣсколько далѣе отъ берега, прорѣзывая горы, которыя служили бы прикрытіемъ войску, ежели бы когда-нибудь могъ повториться подобный случай нашествія двунадесяти народовъ (стр. 83).

1864 годъ.

Пріѣхалъ священникъ. Говорили о многомъ. Я сказалъ: „Здѣсь такая глушь, что, вѣрно, никогда Преосвященный не заѣзжалъ сюда осматривать".—„Да, осматривать не заѣзжалъ, а какъ былъ очень друженъ съ Александромъ Ивановичемъ Шупинскимъ, то въ 1812 году пріѣхалъ сюда. Тогда еще здѣсь былъ господскій домъ. Преосвященный поселился и оставался все время, пока непріятель былъ въ Россіи".—„Не было ли здѣсь опасно Преосвященному?" —„Нѣтъ, духу не было французскаго или непріятельскаго; были они въ Ельнѣ, около Якимовичъ, а здѣсь между ними далеко со всѣхъ сторонъ никто не показывался." Онъ не знаетъ имя Архіерея того времени [2]) (стр. 54).

Соколовъ въ разныхъ мѣстахъ пріобрѣталъ различныя старинныя рукописи и книги очень драгоцѣнныя, какъ ар-

---

[1]) Его адъютантъ въ 1812—1814 г.г.—Александръ Ив. Мясоѣдовъ, портретъ котораго въ Станьковѣ.

[2]) Разсказъ о пребываніи еп. Иринея въ с. Савѣевѣ мало правдоподобенъ, какъ сознается и самъ авторъ далѣе, на стр. 244.

хеологическія рѣдкости и цѣнности. Недавно онъ шелъ на Рачевку, въ проломъ, выше полиціи. Увидѣлъ камень, на которомъ изображены три пики. Онѣ обратили его вниманіе. Онъ сталъ его перекатывать на другое мѣсто, какъ нога его провалилась. Онъ оставилъ камень,—въ немъ было вѣсу пудовъ 5. Оставя камень, онъ въ отверстіе руку опустилъ, но дна не досталъ. Возвратясь домой, вечеромъ поѣхалъ, на сани взвалилъ камень, привезъ домой. Въ отверстіе шомполомъ щупалъ, но тамъ ни боковъ, ни дна не досталъ. Онъ вспомнилъ о преданіи, которое онъ читалъ, о существованіи подземнаго хода отъ Веселухиной башни къ Собору и въ другихъ мѣстахъ по городу,—то не одинъ ли это изъ подземныхъ ходовъ? Онъ хочетъ прокопать и спуститься.

Его отецъ былъ священникомъ въ 1812 году. Приходилъ къ своему отцу, который былъ при Соборѣ священникомъ и ключаремъ, для безопасности переодѣваясь въ лапти и колпакъ, на подобіе крестьянина. Въ Соборъ французы сгоняли и запирали многихъ жителей подъ арестъ, гдѣ ихъ держали, не выпуская. Они тамъ жили и всѣ надобности дѣлали; даже нѣсколько женщинъ тамъ родили. Послѣ они позволяли подъ присмотромъ у Собора приготовлять себѣ ѣду. Люди раскладывали огонь, въ золѣ пекли опрѣсноки, только тѣмъ и питались; воды даже часто бывалъ недостатокъ.

Одинъ священникъ сталъ служить въ Соборѣ. Въ это время вошелъ полякъ, обнажилъ мечъ, бросился на священника. Тотъ уходить, по Собору бѣгать. Но полякъ нагналъ его и ранилъ по спинѣ. Спустя дѣдъ его захотѣлъ служить, началъ утреню. Въ это время считающіеся образованными народами, а хуже варваровъ поступили. Вошли французы съ нѣсколькими собаками. Служба продолжалась. На клиросѣ пѣли клирошане. Французы вошли на архіерейское мѣсто. И собаки подлѣ нихъ. Посмотрѣвъ немного, они цукнули собакъ на клирошанъ. Собаки бросились—тѣ уходить врассыпную. Дѣдушка продолжалъ службу; кто-то пѣлъ и читалъ. Только дѣдушка отворилъ царскія двери,—на него собакъ притравили, Нѣсколько ихъ бросилось на одного, начали кусать; искусали лицо, руки и вездѣ, а одна медюлянская собака впилась въ правую ляжку и не выпускала изъ зубъ. Священникъ отъ боли и испугу упалъ; собаки продолжали

его грызть. А французы и поляки хохотали, стоя на архіерейскомъ возвышеніи. Бывшіе въ Соборѣ мужчины и женщины бросились отбивать его отъ собакъ руками,—болѣе ничего не было. Отливали ихъ водой и молокомъ, котораго гдѣ-то достали для себя въ пищу; также за нимъ стали ухаживать. Французы и поляки ушли. Дѣдушку вынесли, положили между гробницами Преосвященныхъ Дмитрія и Парѳенія, гдѣ онъ пролежалъ болѣе недѣли. Чувствуя приближеніе кончины, просилъ перенести въ свой домъ, гдѣ скоро умеръ, прося похоронить его за Соборомъ [1]).

Передъ тѣмъ съ нимъ было происшествіе. Какъ ключарь, онъ старался сберечь церковныя Соборныя вещи. Въ одномъ Соборномъ столбѣ было углубленіе, въ видѣ комнатки: туда онъ спряталъ ризницу и прочую утварь; задѣлалъ наглухо. Французы какъ-то узнали, пришли, начали отбивать. Дѣдъ Васильева пошелъ къ коменданту (Бозету), сталъ его просить не велѣть разграбливать Соборныхъ вещей: какъ Наполеонъ завоевалъ уже почти всю Россію,—

[1]) Болѣе достовѣрный разсказъ объ описанныхъ здѣсь происшествіяхъ сохранился въ бумагахъ протоіерея Нижне-Николаевской церкви Алексѣя Васильева. „Когда 14 числа Сентября 1812 г. бывшій Соборный ключарь, о. Василій Кондратьевичъ Щировскій (онъ исполнялъ обязанности ключаря вмѣсто Василія Соколова, оставившаго Смоленскъ при нашествіи французовъ), рано поутру служилъ утреню, и тихо производили пѣніе. Въ то время человѣкъ болѣе 15 пришло разныхъ націй: генералы, полковники, маіоры и офицеры въ киверахъ, съ молодыми женами или любовницами вмѣстѣ. Съ собою они привели собакъ разнаго рсда: лягавыхъ, гончихъ, мордашекъ—и, постоявши на амвонѣ, пошли всею гурьбою въ царскія врата съ собаками и, закричавши, свистнули и знаками начали натравлять ихъ на священнодѣйствующаго и производившихъ на клиросѣ пѣніе. Собаки, разозлившись, начали рвать священника Василія Щировскаго и прокусили ему до крови руку и ногу, такъ что онъ упалъ передъ престоломъ и не могъ продолжать священнодѣйствія. Жившіе въ то время въ холодномъ Соборѣ Смоляне начали манить тѣхъ собакъ, кто отдавать свой послѣдній кусокъ хлѣба и лепешки, испеченныя около Собора, на золѣ, въ заведенныхъ изъ кирпичей печуркахъ, въ коихъ варили кушанье. Нѣкоторыя собаки бросились народъ кусать, а начавшія терзать священника такъ остервенились, что одною только водою могли ихъ разогнать. Французы сему посмѣялись и ушли. Когда священника Василія Щировскаго отняли у собакъ, то отъ испуга и ранъ онъ сдѣлался боленъ и лежалъ между гробовъ архіепископовъ Дмитрія и Парѳенія. Болѣзнь его приняла отчаянный оборотъ, и тогда выпросили позволеніе перенести его въ собственный его домъ, гдѣ онъ и умеръ. Гробъ ему былъ сдѣланъ Смолянами изъ разныхъ собранныхъ дощечекъ, и похоронили его, согласно его всегдашнему желанію, возлѣ алтаря Срѣтенскаго“ (Смол. Епарх. Вѣд. 1903 г., № 3, стр. 141—142).

то, можетъ быть, позволитъ или прикажетъ совершать богослуженіе; а когда все возьмутъ, то не въ чемъ будетъ [1]). Комендантъ послалъ полковника и еще офицера сказать не грабить. Когда они туда пришли съ ключаремъ—священникомъ,—многія вещи были вынуты. Полковникъ велѣлъ на мѣсто все класть. Офицеръ, бывшій съ нимъ, взялъ кадило,—изъ чистаго золота все, и цѣпочки золотыя. Держа за верхнее колечко, онъ любовался имъ; послѣ, держа подъ киверомъ его, то опускалъ туда, то приподнималъ; послѣ только одну цѣпочку поднималъ и опускалъ все глубже въ киверъ, какъ бы любуясь и играя ею. Оглянувшись,—когда полагалъ, что никто не замѣчаетъ,—онъ цѣпочку съ кадиломъ спряталъ въ киверъ; прикрылъ проворно носовымъ платкомъ. А протопопъ-ключарь отецъ Арсеній, дѣдъ Васильева, увидѣлъ. Когда всѣ вещи были вложены въ столбъ,—онъ сказалъ полковнику: „Мусью взялъ кадило и въ киверъ спряталъ". Полковникъ началъ офицеру говорить по-своему. А тотъ на дѣдушку со злостью началъ кричать. Но дѣдушка, обратясь къ полковнику, сказалъ и жестами показывалъ посмотрѣть въ киверѣ. „А то пойдемъ жаловаться коменданту". Полковникъ приподнялъ платокъ въ киверѣ. Увидавъ кадило, выхватилъ. А офицеръ бросился на ключаря, выхватилъ шпагу, хотѣлъ его заколоть. Но священникъ побѣжалъ между народомъ, который его пропускалъ, а офицеру мѣшалъ.

Дѣдъ выбѣжалъ изъ Собора; ушелъ къ себѣ въ домъ, который былъ прямо противъ стараго острога. Онъ уже давно не былъ въ своемъ домѣ. Каковъ же былъ его ужасъ, когда туда пришелъ квартировавшій тамъ офицеръ, хотѣвшій похитить золотое кадило. Увидѣвъ священника, онъ схватилъ ружье двуствольное. Священникъ въ другую комнату вбѣжалъ, прикрывъ дверь; а офицеръ выстрѣлилъ двумя пулями въ дверь. Пробитыя мѣста въ дверяхъ были видны, пока домъ продали уже въ руки другихъ. Дѣдъ, заперевъ двери, въ которыя офицеръ сталъ ломиться, поднялъ полъ и спустился подъ полъ; черезъ окно въ фундаментѣ вылѣзъ въ садъ, гдѣ прятался въ крапивѣ и бурьянѣ

[1]) Т. е. когда всѣ церковные сосуды возьмутъ,—не въ чемъ будетъ совершать богослуженіе,

до ночи. Тогда пробрался въ Соборъ, гдѣ чрезъ нѣсколько времени его травили собаками. По его желанію, онъ похороненъ возлѣ Собора. Внуки хотятъ поставить ему памятникъ. Но Архіерей не позволяетъ, такъ какъ онъ будетъ мѣшать ходить процессіямъ кругомъ церкви; а позволяетъ вдѣлать доску въ стѣну [1]). Братъ Васильева, служащій въ Петербургѣ, въ Министерствѣ, писалъ сюда, поручая испросить у Преосвященнаго разрѣшенія. Когда Васильевъ просилъ, то сказалъ: „Тѣмъ болѣе это желательно, какъ дѣдъ былъ ключаремъ и спасъ ризницу".—„Какъ же онъ могъ это сдѣлать одинъ противъ такой силы?"—„Конечно, не силой, Ваше Преосвященство, а разумомъ: онъ коменданта просилъ запретить разграблівать, такъ какъ Наполеонъ можетъ велѣть возобновить богослуженіе съ подобающимъ благолѣпіемъ.

Бороздна [2]) говорилъ, какъ изъ Могилева привезли подъ арестомъ архіерея въ Черниговъ и разстригли послѣ 12-го года, такъ какъ онъ встрѣчалъ Наполеонъ [3]). Я разсказалъ, какъ отецъ Никифоръ Мурзакевичъ въ архіерейскомъ облаченіи встрѣчалъ Наполеона въ Смоленскѣ. Но дѣло тянулось: онъ ставилъ на видъ, что онъ это дѣлалъ не изъ самозванства, а для спасенія святыни. Оставшіеся говорили о пребываніи Архіерея въ Савѣевѣ въ 12-мъ году, по разсказамъ благочиннаго. Но историческое описаніе опровергаетъ, какъ образъ Божіей Матери архіерей вынесъ къ арміи отступавшей и былъ при арміи. Такое недавнее происшествіе—и противорѣчивое показаніе [4]) (стр. 244).

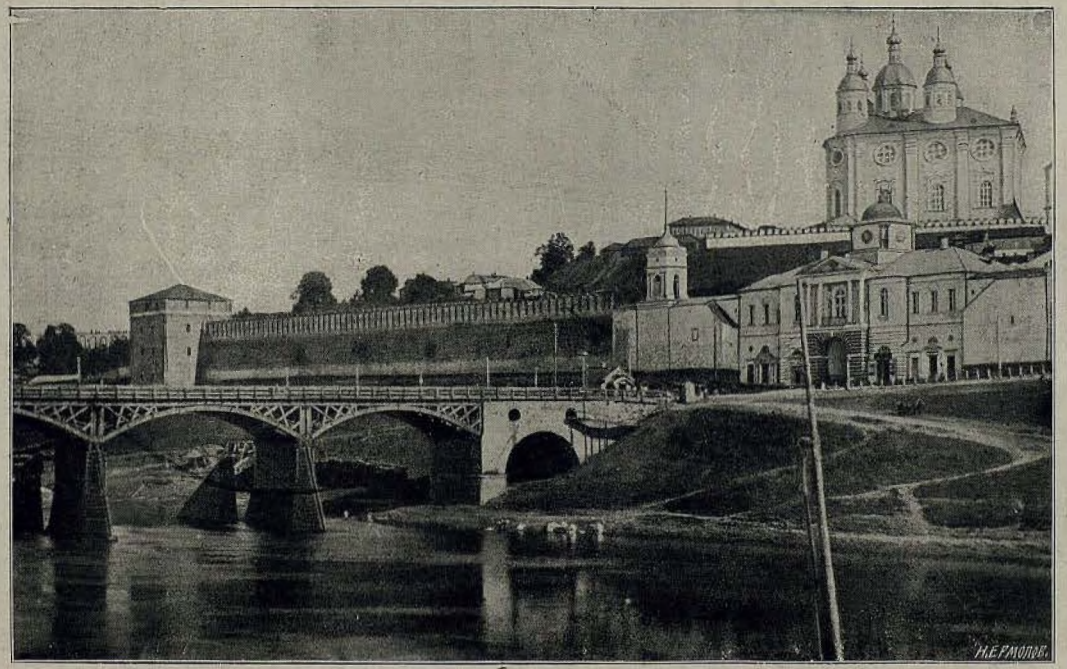
---

[1]) Въ бумагахъ А. Васильева сохранился и проектъ меморіальной надписи на этой чугунной доскѣ: „Противъ сего погребено тѣло священника Смоленскаго каѳедральнаго Собора Василія Кондратьевича Щировскаго, который въ 1812 г. не допускалъ французовъ разграбить Соборную и Архіерейскую ризницу, за что получилъ жестокіе побои, а 14 Сентября, на день Воздвиженія Креста Господня, во время служенія въ Соборѣ утрени, офицерами непріятельскихъ войскъ былъ травленъ собаками, отчего 2 Октября того же года и умеръ. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ; услышите до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ". (Смол. Епарх. Вѣдом. 1912 г., № 3, стр. 142). Н. А. Мурзакевичъ записалъ о смерти В. Щировскаго въ своемъ дневникѣ подъ 2 Октября.

[2]) Бороздна Ник. Петр.—Смоленскій губернаторъ съ 1862 по 1871 г.

[3]) Разумѣется архіепископъ Могилевскій Варлаамъ Шишацкій.

[4]) См. примѣчаніе на стр. 364.



Мостъ черезъ р. Днѣпръ, Надворотныя Богоматерская церковь и Успенскій Соборъ.

Николай Матвѣевичъ Ельчаниновъ говорилъ о Памятной книжкѣ 1812 года, въ которой его статья, какъ въ 12-мъ году были въ Станьковѣ они съ семействомъ, уходя отъ французовъ. Папенька подарилъ имъ очень хорошую лошадь.

Транковскій говорилъ: „Слухи носятся о полковникѣ Шембелѣ—прекрасно-хорошій человѣкъ самъ по себѣ, къ тому же въ Преображенскомъ полку". Онъ—сынъ генерала Шембеля, который въ чинѣ поручика въ 1812 году провожалъ образъ Смоленской Божіей Матери, когда ее несли при отступленіи арміи (стр. 474).

1865 годъ.

Съ Михаиломъ Викентьевичемъ [1]) говорили, какъ онъ служилъ; о переправленіи кавалеріи регулярной, 16 тысячъ и столько же казаковъ, въ семи верстахъ ниже Смоленска чрезъ Днѣпръ вплавь, въ тѣсныхъ колоннахъ. Ни одинъ не утонулъ. Хотѣли въ 12-мъ году зайти французамъ въ тылъ: шли всю ночь. Велѣли вернуться той же дорогой. Передъ этимъ онъ курьеромъ изъ Порѣчья въ Смоленскъ пріѣхалъ къ Великому Князю Константину Павловичу, который отпустилъ его на 24 часа къ родителямъ. Но онъ ни ихъ, ни князя Василія Васильевича [2]) не засталъ: всѣ бѣжали. Послѣ экспедиціи вплавь черезъ нѣсколько дней, 8-го августа, у Волчейки, близъ Смоленска, онъ раненъ въ правый бокъ пулей навылетъ ниже пахи. Раненый въ Москвѣ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ былъ на квартирѣ, въ накинутой шинели сверхъ бѣлья. Изъ арсенала съ 10 людьми набралъ оружія, ѣхалъ по Тверской. Французскіе конные егеря стояли во всю улицу. Онъ подъѣхалъ и спросилъ: „Какой полкъ?" Офицеръ французскій, видя гусарскій чепракъ, шинель, шпоры, сказалъ: „C'est un officier russe". Онъ тогда далъ шпоры лошади энергически. Она взвилась на дыбы, на заднихъ ногахъ повернулась, и онъ маршъ-маршемъ ускакалъ къ людямъ, которыхъ оставилъ въ отдаленности. Съ ними окольными улицами добрался до

[1]) Глѣбицкій-Іозефовичъ.

[2]) Друцкого-Соколинскаго.

квартиры, на Тверской улицѣ, въ верстѣ отъ заставы, гдѣ была оранжерея въ саду. Выѣхавъ, у заставы не пускали какіе то люди полувоенные. Силой, собравъ людей, проѣхали. Въ 3-хъ верстахъ увидѣлъ знакомаго гусара графа . . . . . Ему сказалъ, какъ не пускали за заставу, и о французахъ въ Москвѣ. Тотъ поскакалъ къ заставѣ. На 7-й верстѣ было войско, и Ермоловъ когда подъѣхалъ, Михаила Викентьевича сталъ распрашивать. Когда Михаилъ Викентьевичъ сказалъ, что французы заняли Москву, тотъ вскрикнулъ: „Какъ вы смѣете говорить такія вещи?"—„Я самъ ихъ видѣлъ!" И разсказалъ, какъ подъѣзжалъ къ драгунамъ (стр. 78).

Говорили о тріумфальныхъ воротамъ, которыя были за Днѣпромъ, посереди площади, на улицѣ, которая идетъ отъ моста. Они были сдѣланы для проѣзда Екатерины II. Я ихъ чуть помню, какъ во снѣ, уже очень ветхими. Въ нихъ не проѣзжали уже, опасаясь, а по сторонамъ ѣздили. Потомъ ихь разобрали,—кажется, еще до 1820. А когда они еще держались, то въ иные дни ихъ убирали цвѣтами, вѣтками и иллюминацію дѣлали: хотя не такъ великолѣпно ихъ украшали, какъ при проѣздѣ императрицы, однако все-таки очень хорошо [1]).

[1]) Какъ видно изъ дѣла Губ. Правл., св. 2, № 35,—29 февраля 1824 г губернатору Храповицкому поданъ былъ рапортъ городскимъ головою Головкинымъ, въ которомъ говорилось, что Смоленскій мѣщанинъ Андрей Ив. Глуховскій подалъ въ Городскую Думу прошеніе, „прописывая, что съ давнихъ временъ устроены въ здѣшнемъ городѣ, на Хлѣбной площади, здѣшнимъ градскимъ обществомъ каменныя тріумфальныя ворота и пирамиды, и во время нашествія непріятеля разорены, которыя нынѣ украшенія города никакого не дѣлаютъ, а только безобразія",—и что, нуждаясь въ кирпичѣ, онъ—Глуховскій—желаетъ взять ворота себѣ, съ платежемъ въ городской доходъ 150 р. Губернаторъ разрѣшилъ дѣло въ пользу Глуховскаго, и онъ сталъ уже ломать ворота. Но, какъ видно далѣе изъ дѣла того же архива, св. 2, № 34, - Храповицкому подалъ прошеніе Пареенъ Зах. Ефременковъ, въ которомъ писалъ, что „какъ сіе иждивеніемъ Смоленскаго купечества строенное зданіе партикулярно продано быть не должно",- то онъ и желаетъ за ворота заплатить 500 р. государств. ассигн., при чемъ готовъ и впредь съ желающими торговаться. Губернаторъ, воспретивъ ломать ворота Глуховскому, предписалъ Думѣ произвести торги, на которыхъ Пареенъ Ефременковъ далъ 810 р. Губернаторъ предписалъ отдать ворота П. Ефременкову, но Иванъ Ивановъ Глуховскій подалъ въ Думу заявленіе, что онъ даетъ 825 р. Сдѣланы были торги вновь, и ворота достались П. Ефременкову за 850 р., послѣ чего губернаторъ предписалъ Городской Думѣ объявить Ефременкову о взносѣ денегъ и о разборкѣ воротъ (16 Апрѣля 1824 г.).

Былъ еще очень примѣчателенъ мостъ пѣшеходный, выстроенный французами въ 1812 г. Онъ былъ узокъ: только двумъ или тремъ рядомъ пѣшкомъ пройти, а ѣздить нельзя было. Онъ еще прочно держался въ 1822 г., когда меня здѣсь учили (стр. 137) [1]).

Отецъ Вознесенскаго былъ раненъ въ 1812 году подъ Смоленскомъ въ щиколодку ноги. Оставался съ убитыми, какъ отъ боли былъ въ безпамятствѣ. Послѣ его подобрали крестьяне и отвезли въ Москву. Онъ былъ опасно боленъ, не могъ дать знать о себѣ. Въ полку не знали о немъ, считали убитымъ, такъ какъ онъ остался на мѣстѣ. Мать Ивана Степановича, а того жена, носила полтора года трауръ, считая себя вдовою, живя въ деревнѣ, въ Малороссіи; а отца изъ Москвы повезли въ Кострому. Иванъ Степановичъ родился въ 1812 году, когда отецъ пошелъ на войну. Когда онъ чрезъ полтора года возвратился, мать была чрезвычайно обрадована (стр. 162).

Васильевъ разсказывалъ подробно, какъ его отецъ принялъ образъ Смоленской Божіей Матери изъ рукъ генерала . . . . . .; какъ его вносили по тѣламъ убитыхъ, валявшихся еще по улицѣ; какъ народъ былъ радъ, какое стеченіе вдругъ сдѣлалось. Молились со слезами радости о возвращеніи святыни и изгнаніи непріятеля. Въ это время артиллерія наша шла, такъ-же переѣзжая по тѣламъ разныхъ націй, какъ шла по пятамъ непріятеля въ 1812 году. Не успѣли еще улицъ прибрать. Отецъ его былъ тогда въ городѣ старшимъ протоіереемъ (стр. 175).

Говорилъ съ игуменіей о бывшей церкви Татьяны Дмитріевны Воеводской, сгорѣвшей въ 1812 году во время французовъ (стр. 224).

---

[1]) Какъ видно изъ дѣла Губернскаго Правленія „О продажѣ матеріаловъ отъ французскаго моста“ 1818 года (св. 10, № 141), — французскій мостъ назначенъ былъ къ продажѣ съ публичнаго торга въ 1816 г., но за него не давали болѣе 300 р. Тогда губернаторъ предписалъ Городской Думѣ принять его въ свое вѣдѣніе и сберегать отъ половодья. Однако, въ 1818 г. мостъ „опрокинуло кригами и снесло водою, изъ коего части были остановлены“. По предписанію губернатора, 7 Августа 1818 г. назначены были въ полиціи, при уѣздномъ стряпчемъ, торги на матеріалы отъ этого моста, кромѣ свай; послѣдняя цѣна — 1200 р. — осталась за мѣщаниномъ Павломъ Симоновымъ; деньги пошли въ казну.

Николай Семеновичъ Энгельгардтъ былъ безсмѣннымъ ординарцемъ при Потемкинѣ Свѣтлѣйшемъ. Ему случалось нѣсколько разъ: Потемкинъ позоветъ его и скажетъ: „Подай платокъ!“ А самъ лежитъ, развалившись. Онъ его считалъ домашнимъ человѣкомъ, какъ онъ былъ недальній родственникъ графини Браницкой. Когда платокъ былъ поданъ, Потемкинъ бралъ цѣлую горсть брилліантовъ, въ платокъ клалъ, посылалъ его отнести графинѣ Браницкой, племянницѣ своей, и записочку. Когда Николай Семеновичъ отдавалъ ей записочку,—она спрашивала: „Николаша, ты читалъ записку?“—„Помилуйте, Александра Васильевна, какъ я смѣю? Нѣтъ, не читалъ“.—„То-то же, смотри!“ А записочка на клочкѣ бумажки давно была имъ прочтена. Онъ былъ 17 лѣтъ маіоромъ. Послѣ смерти Потемкина онъ поступилъ безсмѣннымъ ординарцемъ къ Суворову, котораго безпредѣльно любилъ. Портретъ его у него потомъ висѣлъ. Онъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на него, вспоминая о молодости; а дочерей заставлялъ передъ портретомъ присѣдать, доброе утро желать.

У Николая Семеновича былъ братъ Андрей Семеновичъ, который сошелъ съ ума. У него было имѣніе недалеко отъ Ярцева Перевоза, въ Духовщинскомъ уѣздѣ. Въ 1812 году французы неожиданно, направляясь еще къ Москвѣ, съ поляками, сдѣлали наѣздъ на его имѣніе. Дворовые люди, которые господъ своихъ очень любили, стали ихъ прятать въ лѣсъ. Схвативъ между собою, кого куда увлекли: его и дочь въ лѣсъ спасли; а куда дѣвались жена и мать въ суматохѣ,—онъ не зналъ. Но, когда французы и поляки, ограбивъ, удалились,—онъ вошелъ въ домъ и увидѣлъ жену и мать убитыми на полу. Какъ это случилось,—онъ не зналъ; а его поразило страшнымъ образомъ. Онъ не заплакалъ, а началъ смѣяться,—самъ послѣ разсказывалъ. У него не было чувства горести, а все хотѣлось смѣяться. Смѣхъ его былъ отрывистымъ: какъ бы „гы-гы! хи-хи!“ Еще жена и мать не были похоронены, какъ тотъ же день къ нему привезли его сына Сергѣя Андреевича, израненнаго сильно; а другого объявили, что въ тотъ же день убили. Онъ продолжалъ смѣяться какъ бы хныканьемъ. У него продолжалось это нѣсколько времени. Онъ, спрятавшись въ лѣсъ, остался живъ; но, пораженный въ одинъ день такимъ горемъ, сошелъ съ ума.

Посмѣявшись такъ нѣсколько времени,—(онъ) легъ и, цѣлый годъ почти не вставая, лежалъ и молчалъ. Послѣ того ему стало дѣлаться по временамъ очень весело, а иногда опять цѣлый годъ лежалъ. Но былъ и въ нормальномъ положеніи, безъ признаковъ сумасшествія. Когда Варвару Львовну выдали за Станислава Михайловича Барановича, онъ ея матери при немъ говорилъ: „Сестрица, охота Вамъ за полячишку было дочь выдавать! Что онъ? Ничего болѣе, какъ вахмистръ!“ Однажды Андрей Семеновичъ Энгельгардтъ почти жилъ у Андрея Васильевича Энгельгардта. Увидѣвъ, какъ Павелъ Александровичъ Шупинскій держалъ мотокъ, а Марфа разматывала,—Андрей Семеновичъ расхаживалъ по комнатѣ. Остановясь, (онъ) сказалъ Шупинскому: „Смотри, братъ! ты знаешь вѣдь Андрея Васильевича? Долотовскаго высѣкъ розгами. А тебѣ какъ достанутся плети, то ты и не встанешь.“—„Полно-те, что Вы, что Вы, Андрей Семеновичъ!“—„То-то, братъ, берегись!“

Итальянцы изъ Москвы въ 12-мъ году Ярцевъ Перевозъ выше пояса въ бродъ переходили въ ноябрѣ, гонимые нашими войсками. Перейдя, мокрые ночевали на бивуакахъ. Ночью сдѣлался морозъ 20—25 градусовъ. Изъ нихъ ¾ мертвыми остались на мѣстѣ. Мюратъ въ Духовщинѣ былъ. Исторія французская скрываетъ, смягчаетъ это (стр. 276).

Дядя Петръ Дмитріевичъ считалъ, у кого Прейсишъ-Эйлаускій крестъ въ Смолен. губ.: у него, у Ивана Петровича Соколовскаго, Ивана Лярскаго,—брата бывшаго сухорукаго Александра Лярскаго,—и Сергѣя Андреевича Энгельгардтъ (у котораго журавль, предчувствуя его возвращеніе, прыгаетъ). Они были въ разныхъ полкахъ; тогда немногимъ его дали. Въ полку, гдѣ дядя служилъ, получили только 6 офицеровъ, которые въ первомъ эскадронѣ неслись въ атаку впереди полка; въ числѣ ихъ и получилъ покойный дядя Егоръ Дмитріевичъ Лесли. Пока кресты эти были получены,—въ полку были сраженія, и изъ шести офицеровъ представленныхъ двое было убито; всего получили четверо. То-же было и въ другихъ полкахъ. Когда Государь былъ здѣсь въ 1858 году, мы ему представлялись. Онъ, увидавъ у Петра Дмитріевича крестъ, спросилъ: „Какой это у Васъ крестъ?“—„Прейсишъ-Эйлаускій, Ваше Императорское Величество.“—„А, это теперь большая рѣдкость“,—возразилъ

Государь и съ Петромъ Дмитріевичемъ поговорилъ болѣе, чѣмъ съ другими.

Дядя разсказалъ: „Сегодня въ театрѣ представляютъ пьесу мѣстнаго интереса, какъ въ 12 году Энгельгардтъ, Смоленскій дворянинъ, велъ партизанскую войну, былъ пойманъ французами и разстрѣлянъ у Молоховскихъ воротъ въ крѣпостномъ рву, гдѣ ему поставленъ монументъ. Но,—неизвѣстно, по какой ошибкѣ,—вмѣсто Энгельгардтъ—сказано Потемкинъ". Про разстрѣляннаго Энгельгардта папа и дядя, знавшіе его, относятся очень дурно: былъ гуляка, пьяница и дурной человѣкъ. Плѣнныхъ офицеровъ нѣсколькихъ живыхъ закопалъ, пока, лишившійся жизни за подвиги для защиты Отечества, достоинъ сталъ исторической славы (стр. 492).

1867 годъ.

Михаилъ Викентьевичъ часто вспоминалъ о подвигахъ 12-го года. Ему не случилось встрѣтиться съ Василіемъ Евграфовичемъ Храповицкимъ, его двоюроднымъ братомъ, ни въ 12-мъ году, ни въ Парижѣ въ 1814 г. Вмѣстѣ игрывали, живя близко въ деревнѣ, и подолгу въ дѣтствѣ бывали вмѣстѣ, какъ родные (стр. 21).

Собравъ необыкновенно скоро людей—молодцовъ изъ дворовыхъ и крестьянъ, вооружилъ ихъ всѣхъ по-конному. Лошади были хорошія: всѣ почти господскія, своихъ заводовъ. Изъ Копыревщины дѣдушкой Егоромъ Дмитріевичемъ были присланы, также Апухтинымъ Александромъ Петровичемъ изъ имѣнія жены его Елизаветы Дмитріевны, урожденной Лесли, изъ сельца Иванова, близъ Ельни. Люди въ ополченіе шли съ удовольствіемъ служить съ своими господами, которые оставались ихъ начальниками. Они не были замучены рекрутскимъ пріемомъ въ присутствіи, гдѣ ихъ раздѣвали донага. Притомъ они готовились защищать Отечество отъ нахлынувшихъ враговъ-басурманъ, нехристей, какъ они сами перетолковывали, хотя имъ иначе объясняли. Присоединясь къ отступавшей арміи около Лядовъ, побывъ въ сраженіи около Краснаго и Гусинова, они отступали съ арміей, не имѣя настоящаго начальства. Отойдя отъ Смоленска верстъ 14 по Московской

дорогѣ, за Валутину гору, остановились недалеко отъ большой дороги. Кормили лошадей, а люди готовили себѣ пищу. Въ это время проѣзжалъ Князь Багратіонъ. Увидавъ отрядъ, ему неизвѣстный, послалъ адъютанта спросить, какая это команда. Ему отвѣчали: „Конное ополченіе, составленное братьями Лесли на свой счетъ и содержимое своими средствами". Онъ послалъ просить къ себѣ господъ Лесли. Встрѣтилъ ихъ превосходно, наговорилъ множество похвалъ и назначилъ всѣхъ состоять въ его дежурствѣ, т. е. въ родѣ конвоя или тѣлохранителей, употребляя какъ адъютантовъ, а ратниковъ—какъ казаковъ, болѣе для разсылокъ. У дядюшки Петра Дмитріевича есть подробное описаніе объ этомъ; онъ обѣщалъ мнѣ дать прочитать и переписать.

Армія, дойдя до Царева-Займища, остановилась, расположилась на отличной мѣстности, желая дать генеральное сраженіе. Но нельзя было оставаться на позиціи къ сраженію: зарядные ящики по ошибкѣ,—неизвѣстно, чьей,—пошли по другой дорогѣ, о чемъ не упоминается въ исторіи, Пока отыскивали обозъ съ зарядными ящиками, французы подошли. Другія причины были еще: можетъ быть, перемѣна главнокомандующаго, Только безъ боя отступили до Бородина, съ неумолкаемыми стычками ни днемъ ни ночью въ арьергардѣ. Петръ Дмитріевичъ и Григорій Дмитріевичъ были при Багратіонѣ. Григорій Дмитріевичъ исполнялъ должность колонновожатаго; водилъ колонны въ сраженіе при Бородинѣ. Петръ Дмитріевичъ за адъютанта подъ огнемъ адскимъ разъѣзжалъ съ приказаніями; а Егоръ Дмитріевичъ и Абрамъ Степановичъ въ Бородинѣ съ командой изъ самаго огня выносили раненыхъ на перевязочный пунктъ чрезъ фронтъ. Не ослабѣвалъ огонь обученныхъ солдатъ, не уменьшалось число носильщиковъ. Абрамъ Степановичъ былъ прежде раненъ, подъ Фридландомъ, ядромъ или осколкомъ гранаты въ икру. Лошадь подъ нимъ убило, икры кусокъ оторвало, а кусокъ сукна отъ брюкъ вогнало въ тѣло. Доктора, вѣрно, худо вынули: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кусокъ сукна въ пятку вышелъ, съ болью во все время. Онъ за рану не получалъ пенсіи,—кажется, и ордена не получилъ (стр. 50).

Послѣ Бородинскаго сраженія, пройдя Москву, стояли съ отрядомъ гдѣ-то недалеко отъ Москвы,—дядюшка не упомнитъ теперь. Новый главнокомандующій, неудоволь-

ствія между Кутузовымъ и Багратіономъ, неудачи войны, сдача Москвы—все разстроилось. Отрядъ остался ни при чемъ и ни при комъ. Когда погнали французовъ назадъ,—всѣ братья Лесли, дѣйствовавшіе единодушно, содержа все время на свой счетъ весь отрядъ, переговоря между собою, видя торжество Отечества и умноженіе регулярнаго войска,—просили отпускъ съ своимъ отрядомъ. Получили; повели его въ дома. Было во фронтѣ на лошадяхъ вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ 60 человѣкъ; кромѣ того еще запасные при обозѣ, кашевары, мастеровые, прислуга—всѣхъ 90 человѣкъ. Въ разныхъ сраженіяхъ, особенно въ бою при Бородинѣ, убито всего 18 человѣкъ изъ строевыхъ. Привели всѣхъ остальныхъ въ Станьково въ порядкѣ,—съ трудомъ, но хорошо продовольствуя на свой счетъ. Изъ Станькова уже распустили всѣхъ по домамъ. Другія ополченія, сформированныя послѣ, за убитыхъ и умершихъ получали зачетныя рекрутскія квитанціи, а братьямъ Лесли, которые составили ополченіе прежде воззванія Государя, какъ они не были въ спискѣ составленныхъ послѣ ополченій, не захотѣли выдавать квитанцій. Уже Губернскій Предводитель хлопоталъ чрезъ Министра. Все это продолжалось долго; послѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, получили.

Вчера изъ Присутствія со мной пошелъ Жуковъ Михаилъ Игнатьевичъ. Я спросилъ, гдѣ онъ квартируетъ.—„У Мурзакевича въ домѣ".—„ Вы, вѣрно, слышали, какъ отецъ теперешнихъ былъ священникомъ въ Одигитріи, а въ 12-мъ году встрѣчалъ Наполеона въ архіерейскомъ облаченіи, за что былъ судимъ. Ему стоило огромныхъ денегъ. И еще онъ написалъ, что сдѣлалъ это, не желая восхитить духовную славу высшаго сана, а для умилостивленія побѣдителя и сохраненія Собора, который Наполеонъ хотѣлъ взорвать порохомъ: уже въ погреба было вложено нѣсколько бочекъ пороха."—„Слышалъ. Но его родные говорятъ,—это неправда, будто онъ облачился архіереемъ, а просто, какъ священникъ, точно встрѣтилъ Наполеона, и указываютъ мѣсто, гдѣ онъ его встрѣчалъ: какъ разъ противъ середины гауптвахты главной. По его просьбѣ, къ Собору была прибита доска,—приказъ Наполеона оставить Соборъ неприкосновеннымъ, и часовые были поставлены для охраненія. Изъ Собора

Наполеонъ отправился на ворота Божіей Матери,—и Мурзакевичъ за нимъ. И по его просьбѣ всѣ церкви оставлены неразрушенными. Вслѣдствіе всего этого Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ прекратить дѣло и оставить его безъ преслѣдованія".—„Я самъ видѣлъ этого Мурзакевича и слышалъ отъ тѣхъ, которые его видѣли въ архіерейскомъ облаченіи,—въ томъ числѣ остававшійся здѣсь Аристархъ Борисовичъ Каховскій, который мнѣ дальній родственникъ. Онъ былъ сперва Преображенскимъ офицеромъ, съ Императрицей Екатериной 2-й танцевалъ менуетъ и др. танцы, а послѣ, выйдя въ отставку, спился, руку себѣ сжегъ на печи. Оставался здѣсь при вступленіи Наполеона, былъ переводчикомъ; а родные для чего теперь скрываютъ,—не знаю, когда онъ давнымъ-давно умеръ".

1868 годъ.

Я читалъ книгу первоначальнаго чтенія, составленную Филоновымъ и Радонежскимъ въ 1865 году. Попалась статья на 119 стр. „Патріотизмъ Смолянъ". Тамъ упоминается въ „Запискахъ русскаго офицера" о генералѣ Лесли и его четырехъ сыновьяхъ, ополчившихся первыми и поспѣшившихъ впередъ къ непріятелю (стр. 60).

Рядчикъ старый правилъ лошадью. Дорогой говорили о постройкахъ, лѣсахъ около Соловьева Перевоза казенныхъ. Въ волости, въ которой онъ былъ, было въ 1812 году, до французовъ, болѣе 900 душъ; а когда въ 1813 году весной стали прибирать вездѣ валявшихся и гнившихъ уже французовъ,—то въ воздухѣ сдѣлалась зараза и къ людямъ пристала. Оттого стало много умирать: въ одинъ годъ осталось только 440 душъ (стр. 96).

Въ числѣ знакомыхъ былъ Воскресенскій, отъ котораго у няни Дмитрія Степановича, бывшей солдатки, родился сынъ, котораго Воскресенскій въ 1812 году опредѣлилъ подъ именемъ дворянина Воскресенскаго, въ ополченіе земское. Тотъ побывалъ въ походахъ. Воскресенскій, пріѣхавъ въ Ельню, на улицѣ встрѣтилъ этого мальчика, который у Стунѣевыхъ былъ на посылкахъ и въ то время случился съ матерью въ Ельнѣ. Ему сказала мать позвать

къ нему на пирогъ. Ей сказали о намѣреніи своемъ отдать его въ ополченіе. Та согласилась, какъ ему угодно. Воскресенскій попросилъ Предводителя. Васю опредѣлили. Онъ пошелъ въ походъ, былъ въ сраженіяхъ; ихъ называли десятниками, сотскими. Онъ какъ-то счастливо попалъ въ прапорщики; былъ переименованъ; за границу ходилъ; дослужился до штабъ-офицера. Мать Стунѣева, овдовѣвъ, переѣхала изъ Рославля въ Сухой Починокъ [1]).

У ней жила старуха, няня Дмитрія Степановича. Сынъ ея, уже штабъ офицеромъ, пріѣхалъ въ отпускъ. Мать Стунѣева пригласила его къ себѣ обѣдать. Мать его пришла къ дверямъ. Посмотрѣвъ, сказала: „Васька, чего ты съ господами за столомъ разсѣлся?“ Ей здѣсь сказали: „Твой сынъ заслужилъ этого“. Послѣ ей Дмитрій Степановичъ сказалъ: „Дурища ты, няня! Чего ты такъ на сына говорила?“ Дмитрій Степановичъ служилъ въ кирасирахъ Его Величества,—называемый Царскосельскій; онъ былъ тогда въ отпуску. Полкъ Василія Воскресенскаго былъ недалеко; ему хотѣлось туда съѣздить съ матерью. Дмитрій Степановичъ далъ имъ коляску, четверку лошадей; а мать его дала ей свое платье, чепчикъ, платокъ,—нарядили, какъ барыню. Побывъ тамъ, она возвратилась, а сынъ остался при полку. Дмитрій Степановичъ у нея спрашивалъ, понравилось ли ей тамъ.—„Все очень хорошо. Одно мнѣ было очень конфузно: къ ручкѣ непремѣнно офицеры хотѣли подходить. Я спрячу руки за себя, а они оттуда вытащатъ и поцѣлуютъ“. Начался разговоръ съ паденія штукатурки съ потолка. Я разсказалъ, какъ Степанъ Васильевичъ Воскресенскій былъ подъ грудой мусора при взрывѣ пороха; а онъ, услыша фамилію Воскресенскій, вспомнилъ о Васѣ Воскресенскомъ, сынѣ своей няни (стр. 113).

Я самъ хотѣлъ прочитать о Смоленскомъ ополченіи, какъ до манифеста Государя Александра Павловича 4 родныхъ брата Лесли сформировали на свой счетъ ополченіе, отрядъ. Но у Богдановича ошибка: сказано 60 человѣкъ, а ихъ было 90 конныхъ, вооруженныхъ и на своемъ продовольствіи (стр. 185).

Послалъ позвать Александра—кучера. Онъ вошелъ. Я подошелъ къ нему, держа свѣчу въ рукахъ. „Здравствуй,

[1]) Рославскаго у.

Александръ! Мы такъ давно не видались, что одинъ другого не можемъ узнать. Ты постарѣлъ, я чуть тебя помню; а ты меня видѣлъ ребенкомъ, а теперь я уже старикъ". —„Нѣтъ, я Вашу милость признаю по сходству съ Вашимъ батюшкой Александромъ Дмитріевичемъ. Прежде господа наши жили всѣ заодно, очень дружны были. Мы за вашимъ папенькой прежде считались, а тамъ Егору Дмитріевичу достались, а въ Станьковѣ жили, какъ у себя. Слава Богу, пожилъ довольно, многое видѣлъ".—„Ты, кажется, моложе нѣсколько Якова Годунова, а онъ еще живъ".—„Да, онъ живъ. Я немного помоложе. Настояще не знаю, который мнѣ годъ; сами извольте сосчитать: въ разоренный годъ мнѣ было ровно тринадцать сѣтъ.—Когда отъ французовъ уходили, свезли мы господъ въ Рябинки. Насъ оттуда прислали забрать въ Станьковѣ лошадей 40 лучшихъ. А какія тогда чудныя лошади тамъ были! Теперь нигдѣ ужъ такихъ не видать. Велѣно еще было забрать 3 бочки водокъ: рябиновки, вишневки, малиновки, и еще разнаго. Мы пособрали на возы, все уложили, выбрались наканунѣ Преображенія и отправились въ Петрово. Тамъ остановились переночевать. Были тогда: Семенъ Тихоновичъ Лепеха, Тихонъ—камердинеръ,—онъ же былъ буфетчикомъ,—Дороѳей—музыкантъ, Антонъ Гавриловичъ—кучеръ. Какъ остались ночевать, старики позагуляли. На другой день они говорятъ: „Повяжи всѣхъ лошадей за телѣги!" А Антонъ—кучеръ говоритъ: „Невозможно этого: лошади молодыя; есть кобылицы, на которыхъ обротки даже близко не было; невозможно ихъ привязывать: телѣги поломаютъ, себя изуродуютъ. За обозомъ пойдутъ хорошо". Съ нами были еще мужики, всѣхъ-то со старшими болѣе 15 человѣкъ. Послушались Антона, погнали табунъ за обозомъ, отлично пошелъ.

Только проѣхали Картавое, отперли ворота,—а тутъ яровое. Какъ дернутъ всѣ лошади—пошли по яровому,—такъ сквозь все поле несутся. Мы ѣдемъ, бросились ловить, сгонять. Ахти, батюшка, бѣда! Да, памятенъ мнѣ 1812-й годъ. Смотримъ,—приказчикъ изъ Путятина ѣдетъ, и съ нимъ человѣкъ 25 съ кольями и дубинами. Мы тоже думаемъ: „Какъ такъ дать себя бить? надо защищаться!" Когда бы дѣло дошло до драки съ кольями,—то, можетъ быть, до смерти убили бы нѣсколькихъ. Но Семенъ Тихоновичъ сказалъ:

„Стой, ребята, ни съ мѣста!“ Самъ одинъ пошелъ безо всего на встрѣчу. Когда онъ подходилъ, то Путятинскій приказчикъ началъ кричать: „А! еще французовъ нѣтъ—а вы уже разоряете! табуномъ хлѣбъ вытаптываете!“ Семенъ, подойдя, сталъ ему представлять резоны: Зачѣмъ намъ ссориться? Онъ знаетъ, какъ наши господа хорошо съ собою знакомы. Тогда еще старый баронъ Черкасовъ былъ живъ, кажется. „Нашъ баринъ не постоитъ, сполна заплатитъ убытки!“ Приказчикъ послушался, не учинилъ забойства. А только лошадей всѣхъ загналъ въ Путятино за потраву. Куда же намъ было ѣхать? Вернулись въ Петрово. Вотъ тутъ ужъ началась попойка! Всѣ три бочки съ водками пошли питься и на всѣ стороны туда-сюда раздавать, кто подъ руку попалъ. Тутъ мы послышали гулъ: у-у-у!—какъ французъ подъ Смоленскомъ палилъ. Я прошелъ въ деревню Маланьино къ родному брату, который въ своемъ дворѣ жилъ,—крестьянинъ; побылъ тамъ день или два,—не упомню. Поговоря съ нимъ, пошли, думая выбрать изъ господскихъ лошадей одну получше. Остались еще славныя: чѣмъ французамъ доставаться, лучше я возьму! Только мы пришли, смотрю—нѣсколько французовъ ѣдутъ верхами. Мой братъ былъ потрусливѣе—пустился на уходъ, въ кусты, назадъ; французы верхами въ погоню за нимъ, человѣка три. Такъ вдругъ нагнали, соскочили съ лошадей и начали его фухтелями бить; еле жива оставили, пустили. А я иду прямо къ остальнымъ, которые по дорогѣ ѣдутъ,—прямо на встрѣчу. Подойдя, сталъ на одно колѣно: пардонъ! Они по-своему стали говорить. Одинъ слѣзъ, связалъ меня,—повезли въ Петрово. Тамъ уже ихъ было довольно. Одинъ подошелъ къ бабѣ Копаевой; говоритъ ей: „баронъ, баронъ!“ Она была при скотѣ, на пригонѣ. Она повела его въ Путятино, сказавъ: „баронъ Черкасовъ“. И еще съ ними пошло нѣсколько.

Между тѣмъ Путятинскій приказчикъ (тоже былъ свой дворовый человѣкъ) обдумалъ: „Ахъ, братцы,“—сказалъ онъ мужикамъ:—„вѣдь плохо мы сдѣлали! Господа хороши съ собою. Лесли заплатитъ за потраву,—много ли тамъ придется? Лошади перебѣжали только по полю. А какъ случится бѣда съ лошадьми, то баронъ не будетъ знать, какъ раздѣлаться: вѣдь лошади очень дорогія. Сгонимъ ихъ въ Петрово; господа между собою поладятъ по-сосѣдски, а то

наживемъ себѣ большихъ бѣдъ". Погнали лошадей въ Петрово. А тутъ на бѣду около Коротова французы наскочили и всѣхъ забрали. Переночевавъ въ Петровѣ, меня повели связаннаго въ Смоленскъ. Пришли туда къ вечеру. Боже мой, какая страсть! Валяются люди убитые, лошади, обозы разломанные! Страшно и теперь вспомнить. Тѣ, которые меня вели, хотѣли въ Молоховскія ворота провести, но не пропустили. Они, взявъ меня, положили связаннаго недалеко отъ Молоховскихъ воротъ, подъ казенную телѣгу, покрыли солдатскою шинелью. Сами по сторонамъ легли. На другой день рано на зоречкѣ повели меня къ начальнику. Только привели, онъ на нихъ по-своему покричалъ. Потомъ, погладя по головѣ, довольно хорошо по-русски сказалъ: „Не бойся, молодецъ, мы тебя пустимъ и лошадь дадимъ; на вотъ тебѣ записка,—тебя никто не тронетъ". Я записку въ карманъ. Повели меня къ какому то офицеру. Тамъ мнѣ, смотрю, даютъ нашу Степаниху. Чудная была кобылица! Я думаю себѣ: „Вотъ таки, надобно же такая судьба! она мнѣ попалась!" Сѣлъ, поѣхалъ. А тутъ мужики изъ нашей вотчины ѣдутъ домой,—возили французамъ провіантъ.

Узнавъ, какъ я былъ въ плѣну, и какъ Степаниха досталась мнѣ,—имъ завидно стало. Слышу, говорятъ, какъ бы у меня отнять. Одинъ и говоритъ мнѣ: „Чего ты ѣдешь позади? ступай напередъ съ нами, а то тебя французы ограбятъ". —„Нѣтъ, не тронутъ!" И началъ отъ нихъ отставать. Переѣхавъ Ясеную, они уже далеко были впереди, а я поскорѣе налѣво, въ Богородицкое, да стороной, стороной! Только въ Яновѣ выѣхалъ на большакъ, а около Долгомостья опять полями и лугомъ. Черезъ рѣчку какъ перебраться? Слѣзъ: самъ по колѣно и выше въ воду, лошадь—за поводъ,—черезъ рѣчку. Она какъ скакнетъ черезъ, да со всего размаху ввязла въ трясину: увязла по горло, только ушки видны. Бѣда! жаль: чудная кобылица. Недалеко мужикъ попался. Я къ нему: „Батюшка, помоги кобылицу вызволить!"—„Подари мнѣ, то помогу вытащить".—„Батюшка, вотъ все, сколько у меня есть!" А былъ при мнѣ пятакъ, который начальникъ—французъ, глацившій меня по головѣ, далъ мнѣ—старинный пятакъ. Мужикъ помогъ, вытащили кобылицу, благополучно добрался домой" (стр. 489).

Еще разное Александръ разсказывалъ Между прочимъ: „Вотъ я также былъ въ Копыревщинѣ при водвореніи, когда прогнали французовъ. Дмитрій Егоровичъ изволилъ написать къ Вашему батюшкѣ—въ Копыревщинѣ все водворить, привести въ порядокъ. А тамъ мужичье все разграбило: господскій скотъ, лошадей, хлѣбъ, мебель,—пустыя стѣны остались. Александръ Дмитріевичъ, какъ старшій, поѣхалъ въ Копыревщину все въ порядокъ привести къ пріѣзду своего батюшки, и наши господа съ нимъ. Я своего барина Егора Дмитріевича привезъ. Собралъ Александръ Дмитріевичъ сходку, сталъ уговаривать все возвратить: въ домъ снести, хлѣбъ ссыпать, скотъ и лошадей пригнать. Ни близко (не подходи), и слушать не хотятъ! Затвердили: „Мы теперь Платовы!“ На томъ уперлись и стали. Очень долго Александръ Дмитріевичъ съ ними мучился, все хотѣлъ урезонить кончить лаской, добровольно. Нѣтъ, такъ и не послушались. Александръ Дмитріевичъ уѣхалъ въ Духовщину. На другой день рано явился съ исправникомъ и командой. Опять спросили, собравъ, хотятъ ли слушаться. Нѣтъ. Какъ началъ исправникъ пороть ужъ безъ пощады; какъ отодрали трехъ—четырехъ порядкомъ,—анъ и другіе уже сдались, начали все возвращать и до послѣдней нитки доставили на мѣсто; уже все выдали, никому ни-ни-ни не дали утаить. И кто имъ въ голову вбилъ такой вздоръ, что они Платовы,—никакъ не могли добиться толку. Они и сами хорошо не знали, отъ кого и какъ такой слухъ къ нимъ зашелъ.

Лейба спросилъ у Александра: „А много ли ты французовъ убилъ?“—„Мнѣ ни одного не приходилось бить и не видалъ, какъ ихъ били. А вотъ видѣлъ: въ то время, какъ они на уходъ шли, то мародеры забрались съ ружьями, да ихъ въ кучкѣ въ сѣняхъ и оставили; а мужики, подкравшись, ружья схватили, ихъ перевязали и къ начальству отвели, не бивъ и пальцемъ не тронувъ“. Я подумалъ: какъ я сожалѣю, не записывая съ дѣтства всѣхъ разсказовъ о 12-мъ годѣ, когда всѣ господа и дамы объ этомъ говорили, какъ о свѣжемъ происшествіи. Лейба спросилъ: „Видалъ ли ты, какъ французы русскихъ убивали?“—„Видѣлъ своими глазами. Одинъ крестьянинъ гусей выгонялъ изъ своего овса. Французъ, котораго были эти гуси, или такъ ему уже въ голову пришло, прицѣлился и наповалъ убилъ мужика, и никто ему

ни слова не смѣлъ сказать,—всѣ боялись". Я отпустилъ Александра—кучера, давъ ему чаю.

Ѳедоръ Коношинъ разсказалъ сегодня иначе о гусяхъ. Французъ хотѣлъ взять себѣ гусей, а крестьянинъ отгонялъ ихъ подалѣе. Французъ его и застрѣлилъ. Французовъ всѣхъ повязали: они тогда уже отъ Москвы шли,—ихъ не боялись. Привели къ Рѣдчинскому озеру. Поставя у берега,—палкой по головѣ –да въ воду. Игнатъ разсказалъ. „Было передъ сумерками. На дняхъ увидѣлъ на зелени, подъ Анцыпорово, бѣлую лошадь на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то было кладбище. Погналъ мальчика загнать. Плотники работавшіе видѣли съ крыши; но, когда парень пошелъ туда,—тамъ ничего не увидѣлъ". Игнатій увѣренъ, что это кладъ.

Алексѣй разсказалъ, какъ съ Абрамомъ Степановичемъ изъ Кимборова ѣздили въ Смоленскъ кладъ копать. „Арестантъ проходилъ оборванный. Женщина его пріодѣла. Онъ ей открылъ, гдѣ кладъ онъ самъ закапывалъ,—у Пятницкаго пролома, недалеко отъ бань Тишевскаго. Всѣ примѣты разсказалъ. „А какъ откопаешь, то плита каменная будетъ; подъ нею чемоданъ, въ которомъ золотомъ 50 тысячъ". Онъ въ арестанты попалъ за это дѣло. Они везли тѣло покойнаго генерала, за которымъ везли имущество, которое съ товарищами, укравъ, закопали своими руками. А по другую сторону стѣны закопанъ сундукъ съ серебряными вещами.

Я доложилъ Абраму Степановичу: „Такъ и такъ, сударь, вотъ гдѣ кладъ можно отыскать". Абрамъ Степановичъ велѣлъ туже минуту лошадей закладывать. Была такая пора, какъ теперь. Вечеромъ часовъ въ 7 мы поѣхали въ Смоленскъ. Пріѣхавъ ночью, остановились на квартирѣ. Абрамъ Степановичъ, одѣвшись, утромъ пошелъ къ Губернатору просить позволенія копать кладъ. Тотъ позволилъ,—кажется, баронъ Ашъ тогда былъ. Онъ далъ даже двухъ полицейскихъ. Мы стали копать. Какъ идетъ нѣмка. Горько плачетъ и говоритъ намъ: „Здѣсь, подлѣ этого самаго мѣста, она закопала кладъ; а сегодня ночью подъѣзжали люди, вынули и на трехъ тройкахъ ускакали къ Красному. По дорогѣ за ними гнались, но не нагнали". Посмотримъ, покопавъ,—свѣжее мѣсто копаное: а тутъ каменная плита, а подъ ней видно мѣсто, гдѣ чемоданъ стоялъ,—точно какъ женщина мнѣ передала слышанное отъ арестанта.

Нѣмкинъ кладъ былъ подлѣ самаго того мѣста, и его вынули за одно тѣ, которые пріѣзжали навѣрняка за кладомъ съ золотомъ въ 50 тысячъ.

Мы пошли на другую сторону. Я копаю; а Абрамъ Степановичъ смотритъ, и полицейскій (тоже). Только ломъ запустилъ поглубже (тогда не такая сила была, какъ теперь), вертанулъ,—вывернулъ концомъ завѣсу отъ сундука. На эту минуту идетъ солдатъ команда. „Стой,—кричатъ,—не смѣй копать!"—„Почему"?—„Намъ приказъ отъ полковника Тихановскаго около стѣны не позволять копать". Абрамъ Степановичъ имъ показываетъ полицейскихъ, которыхъ самъ Губернаторъ далъ.—„Мы ничего не знаемъ: какъ начальство приказало, такъ мы и дѣлаемъ. А вы сейчасъ закапывайте яму". Абрамъ Степановичъ пошелъ Губернатора просить,—тотъ его къ Тихановскому послалъ. Абрамъ Степановичъ сталъ его просить позволить докопаться, какъ уже завѣсу выворотили. Онъ не позволилъ; отъ Государя бумагу показалъ, которой запрещалось около стѣны копать. Такъ наше и осталось. Говорили, ежели бы Тихановскаго —полковника попросили прежде, нежели копать начали, позволилъ бы. А послѣ, слышали, и кладъ тотъ вынули, и кому достался—неизвѣстно" (стр. 492).

1869 годъ.

Няня разсказывала дѣтямъ, какъ въ 1812 году, когда мы были въ Рябинкахъ, были мятели; какъ въ Орелъ проводили плѣнныхъ разныхъ народовъ, которые съ французомъ пришли Россію воевать, да сами попались и пропали. Они были закутаны—кто въ рогожкѣ, у кого ноги соломой обернуты, кто въ лаптяхъ, кто въ чемъ попало на плечахъ. Папенька покупалъ цѣлыми рѣшетами въ Орлѣ хлѣбъ и колачи и раздавалъ имъ (стр. 186).

Когда у Архіерея вспоминали, котораго числа въ 12-мъ году выгнали французовъ изъ Москвы, котораго изъ Смоленска, а на мѣсто ихъ вступила армія наша, и 25 декабря уже ни одного не оставалось, всѣ были прогнаны за Нѣманъ,—кто то сказалъ: „Нѣтъ, ихъ много осталось,—болѣе, нежели сколько ушло". На это нѣсколько голосовъ сказало: „Да, плѣнныхъ, но не войска непріятельскаго".

Наполеонъ въ Смоленскомъ Успенскомъ Соборѣ
7 августа 1812 года.

(Съ картины художн. В. И. Мушкетова).

Тогда вице-губернаторъ Языковъ сказалъ: „До сихъ поръ еще въ Россіи есть остатки отъ Наполеоновской арміи,—даже здѣсь, въ Смоленскѣ. Отецъ Плансона служилъ въ Наполеоновской арміи, и остался здѣсь, какъ плѣнный; послѣ былъ профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ французскаго языка; а теперь, кажется, въ Виленскомъ,—нѣтъ, въ Харьковскомъ,—я очень хорошо знаю. Какъ онъ знаетъ французскій языкъ,—не могу судить; но полагаю, тогда еще не были большія требованія на этотъ предметъ,—то ему не трудно было изъ военнаго сдѣлаться профессоромъ (стр. 637).

1870 годъ.

Пріѣхалъ къ Ѳедору Николаевичу Гольцеву, въ его домъ, который онъ купилъ за Спасо-Преображенскою церковью отъ Николая Михайловича Бейера,—бывшій полковника Орла. Домъ на дворѣ; подъѣздъ съ противоположной стороны улицы, къ которой передъ домомъ палисадникъ. Гольцевъ боленъ, повидимому, только старостью: онъ жалуется на слабость, одышку, боль и слабость въ ногахъ. Ему около 85-ти лѣтъ. Его первый вопросъ, послѣ здоровья Надежды Васильевны и всего семейства: „А что подѣлываетъ вашъ прекрасный кавалергардъ? Со всѣхъ сторонъ о немъ большія похвалы. Лярскій Михаилъ Петровичъ его превозноситъ до небесъ, а мой племянникъ, генералъ Измайловъ, нѣсколько разъ писалъ, какъ сына вашего уважаютъ товарищи и любитъ не только начальство, но и царская фамилія". О лошадяхъ поговорили и о разномъ.

Коснулся разговоръ о старинѣ и рѣдкостяхъ. Онъ указалъ мнѣ на образъ,—стоящій въ углу, на полочкѣ,—Смоленской Божіей Матери, съ довольно длинною подписью внизу въ нѣсколько строкъ. „Вотъ мое сокровище, которое само по себѣ большая рѣдкость и достопамятная историческая икона. Образъ этотъ поднесенъ былъ Кутузову въ 1812 г.,—послѣ того какъ онъ прогналъ французовъ,—отъ жителей города Смоленска. Въ подписи подробно сказано, какъ этотъ образъ достался Кашталинскому. Но ко мнѣ онъ перешелъ отъ Линскаго, его незаконнаго сына. Образъ этотъ мнѣ стоитъ 27000 руб.". Я спросилъ, почему такъ дорого стоитъ. Онъ

снялъ образъ съ полки. Я приложился, прочелъ подпись; онъ тоже приложился. Послѣ, поднявъ глаза къ небу и правую руку вверхъ, началъ: „Вотъ Царица Небесная свидѣтельница, сущую правду вамъ разскажу. Я уже слишкомъ старъ и уже болѣе, нежели одной ногой въ гробу,—то мнѣ не для чего лгать; къ тому же это было давно, и мнѣ не для чего бы было вамъ разсказывать неправду. Выйдя въ отставку еще довольно молодымъ, я съ женой въ первый разъ изъ Смоленска ѣхалъ съ отцемъ за Ельню, въ нашу деревню. Былъ послѣдній путь зимній, плохой, тяжелый: гдѣ снѣгомъ, гдѣ ледкомъ, а гдѣ и по землѣ тащились. Доплелись очень плохо до Янова, остановились кормить лошадей. На постояломъ дворѣ не случилось сливокъ. Послали попросить на господскій дворъ,—тамъ, какъ вамъ извѣстно, нѣсколько шаговъ отъ постоялаго двора, только саженая березовая роща подъ шнуръ отдѣляетъ. Тогда еще былъ прежній домъ, не старый. Намъ прислали сливокъ. Самого Кашталинскаго не было дома, а сынъ его Линскій прислалъ просить насъ пожаловать въ домъ, такъ какъ тамъ намъ будетъ покойнѣе. Отецъ сказалъ: „Чего намъ идти туда съ твоей женой? А ты, Ѳедя, ступай, поблагодари за приглашеніе, познакомься съ нимъ, посиди у него". Я, какъ былъ по дорожному одѣтъ попроще, какъ всегда всѣми принято было, плетясь на своихъ,—не то, какъ теперь, по желѣзной дорогѣ, въ большой компаніи надо получше одѣться,—отправился къ Линскому. Онъ принялъ меня съ привѣтомъ благовоспитаннаго человѣка, еще повторилъ свое приглашеніе моему отцу и женѣ пожаловать въ домъ для спокойствія. Поговоривъ о разномъ, онъ предложилъ, не желаю ли я съ нимъ въ карты поиграть, пока лошади выкормятся. Я согласился.

Онъ заложилъ банкъ. Я сталъ понтировать, какъ мы всѣ тогда, особенно военные, играли въ карты. У меня было двѣсти рублей. Я проигралъ сто семьдесятъ пять рублей, забастовалъ, отдалъ ему деньги, хотѣлъ уже идти къ своимъ. Онъ сталъ просить еще поиграть. Я заложилъ банкъ 25 руб. послѣдніе, думая: „У отца есть деньги,—будетъ съ чѣмъ доѣхать до дому". Онъ поставилъ карту ва-банкъ,—я убилъ; онъ 50 руб.,—я тоже взялъ; онъ сто рублей—и тѣ мнѣ посчастливилось взять. Я забастовалъ, радъ былъ вернуть свои деньги. Получивъ ихъ, хотѣлъ идти. Онъ отдалъ день-

ги,—я положилъ въ карманъ. Онъ съ такой настойчивостью присталъ заложить ему банкъ, что я, оставя сто семьдесятъ пять руб. въ карманѣ, выложилъ 25 руб. Онъ понтировалъ обыкновеннымъ порядкомъ: то 5 р., то 10 р., то 1 р., гнулъ углы, то бралъ большой кушъ, то я билъ большія карты. Скоро на немъ выигралъ 400 руб Забастовать хотѣлъ. И отецъ прислалъ звать: пора ѣхать. Линскій показалъ мнѣ отличный пистолетъ Лепажа,—предлагалъ выиграть, въ сто руб.; ставилъ большой кушъ. Я скоро выигралъ. Пистолетъ взялъ къ себѣ; денегъ ожидалъ,—онъ не отдавалъ. Совѣстно было спросить, хотя онъ не совѣстился взять 175 руб. отъ меня. Да когда, играя, выигрываешь по совѣсти,—не зазорно получить, такъ какъ рискуешь свое проиграть. Онъ повелъ меня показывать оружейную, дорогія картины извѣстныхъ художниковъ—оригиналы. Отецъ опять прислалъ звать, а Линскій предлагаетъ играть. Я пошелъ сказать отцу: „Счастье везетъ, попробую еще поиграть!“ Отецъ согласился подождать, но послѣ уѣхалъ съ моей женой, оставя мнѣ сани.

Началась игра. Ружья дорогія, сабли и много я выигралъ. Онъ предложилъ мнѣ играть на картины. Я выигралъ картины по тѣмъ цѣнамъ, какія онъ назначилъ. Просилъ меня остаться ночевать. Переночевалъ; опять сѣли играть,—я еще выигралъ. Кончили. Призвали столяра, сдѣлали валики, на нихъ навернули картины,—каждая по нѣсколько тысячъ; все завернули въ персидскіе ковры, которые тоже я выигралъ; все уложили, запаковали. Я пообѣдалъ. Столъ былъ отличный: у Матвѣя Ѳедоровича Кашталинскаго были отличные повара, и безъ него готовили отлично. Я поѣхалъ на саняхъ. Потащился тихо: дорога стала еще хуже. Только проѣхалъ Станьково, подъѣзжаю къ Словажскимъ горамъ, вижу—несется въ коляскѣ шестерикомъ на славныхъ лошадяхъ Кашталинскій. Линскій, обогнавъ меня, остановился; просилъ меня вернуться въ его коляскѣ, какъ за проигранныя вещи,—ему непринадлежащія, а Матвѣю Ѳедоровичу Кашталинскому,—онъ погибнетъ. А взамѣнъ вещей онъ выдастъ ему вексель въ 27000 руб.,—на ту сумму, въ какой всѣ эти вещи проиграны,—клянясь, что отдастъ въ скорости. Подумавъ, зачѣмъ человѣка губить, да къ тому деньги лучше, нежели вещи, выигранныя весьма по высокой цѣнѣ,—я вернулся. Онъ

мнѣ сказалъ, что послалъ уже за маклеромъ; мнѣ не будетъ задержки, и онъ мнѣ дастъ свою коляску доѣхать, какъ дорога все болѣе портится. Я пересѣлъ въ его коляску; переложили всѣ вещи. Вернулся съ нимъ, велѣвъ своимъ лошадямъ ѣхать далѣе домой. Пріѣхавъ въ Яново, застали тамъ уже маклера,—такъ онъ все подготовилъ, обдумалъ. Вексель недолго написать и маклеру въ книгу внести. Кончили. Я положилъ вексель въ карманъ. Подали коляску. Простился, поѣхалъ къ себѣ. Батюшка мой былъ уже дома. Ему разсказалъ, какъ Линскій у Словажи нагналъ, вернулъ, вещи просилъ отдать, а вексель выдалъ. Отецъ сказалъ: „Хорошо ты сдѣлалъ". Въ выигрышѣ были, однако, оригинальныя картины Рафаэля, сервизъ чайный чистаго серебра съ большимъ подносомъ, и всего теперь не припомню, хотя малѣйшія подробности этого замѣчательнаго происшествія очень хорошо помню, какъ весьма значительнаго въ моей жизни и произведшаго сильное впечатлѣніе.

Не прошло 3 дней,—къ намъ въ деревню прикатилъ Линскій. Думаю, отыгрываться хочетъ. Ничуть не бывало. Онъ входитъ съ этимъ образомъ, его мнѣ даетъ на благословеніе. Упрашиваетъ, умаливаетъ отдать ему вексель, какъ Кашталинскій долженъ на дняхъ пріѣхать въ Яново и, узнавъ о такомъ проигрышѣ, лишитъ его обѣщаннаго наслѣдства. А когда онъ его получитъ, то призываетъ въ свидѣтельницы Божію Матерь, что отдастъ все сполна. Потомъ прибавилъ угрозу: ежели я не соглашусь отдать ему вексель,—то онъ поѣдетъ въ Смоленскъ и будетъ жаловаться губернатору Ашу. Такой подлости и низости я не ожидалъ. Переговорили съ отцемъ. Я былъ человѣкъ молодой, дорожилъ своей репутаціей. Подумали—подумали и рѣшили: пусть будетъ, какъ Богу угодно. Взялъ образъ и отдалъ ему вексель. Я еще забылъ вамъ сказать: когда мы играли съ перемѣннымъ счастьемъ, къ нему перешло моихъ 175 руб. опять, а за нимъ вновь оставалось 400 руб.; а онъ мнѣ выдалъ вексель, отобравъ выигранныя вещи, и не возвратилъ моихъ кровныхъ денегъ. Помолясь съ отцемъ и женой, вынесъ ему вексель, принялъ изъ рукъ его образъ, съ клятвами и увѣреніями. Поднесь ни копейки не получилъ. Такъ за 27000 руб. остался у меня этотъ образъ (стр. 72).

Каверзневъ говорилъ, что у него есть книга рукописная о 1812 годѣ; какъ рукопись, она—единственная. Въ ней многое всѣмъ извѣстное, и не только сто разъ, но, можетъ быть, тысячу разъ напечатано на разныхъ языкахъ; а многое, особенно подробности и частности, единственно только въ этой рукописи находится. Онъ показывалъ выписку изъ Казенной Палаты, сколько стоитъ монументъ разстрѣлянному Энгельгардту, и сколько до сихъ поръ за него получаютъ пенсіи, въ томъ числѣ болѣе всѣхъ Марія Осиповна Энгельгардтъ—6000 ассигнаціями (стр. 123).

Смотрѣлъ гравюры работы Щекотова. Очень хороши. Его рисунокъ (сдѣланъ) съ гравюры въ Колязинѣ въ 1812 году: онъ уходилъ отъ французовъ. Монументъ Минину и Пожарскому еще не былъ поставленъ, а съ гравюры онъ срисовалъ. Онъ былъ въ Москвѣ въ 12-мъ году въ ту минуту, какъ Наполеонъ въѣзжалъ туда. Щекотовъ Яковъ Яковлевичъ шелъ по улицѣ. Имъ на встрѣчу, какъ онъ шелъ, еще съ Смоленскимъ купцомъ и другими, пробѣжало нѣсколько французскихъ солдатъ, которые сказали: „Наполеонъ, Наполеонъ!“ Отбѣжавъ, сняли шапки, вытянулись, а Щекотовъ пошелъ дальше. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ ѣдущихъ въ парадныхъ мундирахъ генераловъ, 5 рядомъ, за ними еще пять генераловъ, тоже рядомъ, а за ними на бѣлой лошади въ сѣромъ сюртукѣ Наполеонъ самъ. Ему пришло въ голову,—какъ печатали, писали и даже въ церквахъ читали,— что Наполеонъ есть антихристъ, о которомъ въ Апокалипсисѣ сказано, и рѣшился, думая: „Какъ я поклонюсь антихристу? Не сниму шапки,—хоть на смерть за то!“ Когда подбѣжали къ намъ генералы,—всѣ сняли шапки, а я нѣтъ. Только самъ Бонапартъ приблизился къ намъ, посмотрѣлъ сурово на меня, по—своему сказалъ что-то генералу, ѣхавшему у него съ лѣвой руки. Тотъ чисто по-русски у насъ спросилъ, прямо глядя на меня: „Вы русскій?“ Я такъ перепугался, какъ никогда въ жизни: въ глазахъ потемнѣло; поблѣднѣлъ, какъ полотно; не знаю, какъ не упалъ отъ страха. Не помню, что со мной было,—такъ испугался. Думалъ: „мигнетъ—и меня сію минуту пиками проколятъ и на воздухъ подымутъ“. А все-таки рѣшился: „Чему быть, тому быть; а все-таки не поклонюсь антихристу, хоть сію минуту умирать!“ Ужъ приготовился,—думаю: „Вотъ сію минуту мнѣ конецъ!“ Они

тихо ѣхали за Наполеономъ. Были еще генералы и всякіе офицеры и конные солдаты потомъ. Они проѣхали, меня не тронули. Сердце отлегло, насилу опомнился. Много, очень много насмотрѣлся и наслушался тогда.

Мнѣ говорили: напрасно я не далъ никакихъ свѣдѣній, записокъ Михайловскому-Данилевскому, который описывалъ тогда войну 1812 года.—„Жаль. Вы и теперь можете поправить это. Когда самимъ трудно писать, у васъ сыновья, —по длиннымъ зимнимъ вечерамъ имъ диктуйте. Богдановичъ написалъ исторію 12 года, и многіе другіе, навѣрно, еще будутъ писать,—то ежели самимъ вамъ не удастся передать, то дѣти ваши или внуки передадутъ (стр. 642).

Я разсказалъ о зимней каретѣ Наполеона, оставленной въ Краснинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи доктора Цекерта, гдѣ ее видѣлъ Дмитрій Викентьевичъ Глѣбицкій-Іозефовичъ. (стр. 377).

1871 годъ.

Къ Васильеву въ 2 часа ночи стали стучаться. Просили въ гостинницу Германію къ проѣзжему барину. Онъ отказался ночью идти. Погодя опять тотъ же пришелъ, говоря: „Баринъ пріѣзжій,—не знаю, какъ его зовутъ,—непремѣнно прислалъ васъ просить; хоть въ ножки кланяться,—не уходить, пока вы не пойдете. Онъ не ложился спать,—васъ дожидается. Хотѣлъ ѣхать на машинѣ, да, распросивъ и узнавъ про васъ,—остался.“—„Да кто же онъ такой?“—„Не знаю, а только видно—генералъ“. Петръ Алексѣевичъ, подумавъ и посовѣтовавшись съ женой, которая совѣтовала идти, отправился почти въ 3 часа ночи. Въ гостинницу пришелъ. Генералъ рекомендовалъ себя роднымъ племянникомъ Коновницына. Спросилъ, не знаетъ ли чего Петръ Алексѣевичъ о письмѣ, которое его дядя послалъ въ Смоленскъ при образѣ Одигитріи Смоленской Божіей Матери, при возвращеніи ея въ 12 году опять въ Смоленскъ. „На пакетѣ было надписано: „Старшему духовному лицу города Смоленска“. „И пакетъ получилъ вашъ батюшка, протоіерей Васильевъ“.—„Знаю на память, прочитывая его нѣсколько разъ. Подлинное во время пожара сгорѣло. Къ счастью, у меня уцѣлѣла копія: „Старшему духовному чину города Смоленска. Препровождая образъ св. икону Пресвя-

той Владычицы Одигитріи Смоленской Божіей Матери, Которая во время нашествія галловъ и дванадесяти племенъ находилась при войскѣ, возимая на лафетѣ, была въ Бородинскомъ сраженіи и въ другихъ,—теперь, препровождая Царицу Небесную въ Смоленскъ, прошу икону помѣстить на прежнее мѣсто". Я не слово въ слово, а приблизительно написалъ, какъ Васильевъ говорилъ. Его отецъ тогда былъ старшимъ духовнымъ лицомъ въ Смоленскѣ. Принялъ пакетъ; собралъ, сколько могъ, духовенства; отправился съ торжествомъ принять икону, которую съ величайшею радостью и слезами встрѣчали многіе изъ жителей, и при торжественномъ молебствіи поставили на прежнее мѣсто, гдѣ она и теперь находится.

О многомъ разспрашивали племянника Коновницына; многое (онъ) разсказывалъ. Показывалъ всегда носимый на груди образъ Смоленской Божіей Матери въ золотомъ окладѣ, въ три или четыре вершка величиною. Былъ съ образомъ во многихъ сраженіяхъ, въ Севастополѣ на вылазкахъ и (при) отбиваніи штурма. Не раненъ и не оцарапанъ даже. Молитва, вѣра и заступничество Царицы Небесной его спасло (стр. 3—4).

1873 годъ.

Пришелъ Петръ Алексѣевичъ Васильевъ, принесъ въ узлѣ много монетъ и медалей показывать. Въ 12 году онъ былъ 12 лѣтъ. Взобрался на стѣну побѣгать. Тогда еще во всѣхъ башняхъ были полы; дѣлались крестные ходы по стѣнѣ: всю обходили,—вся цѣла была. Войдя на Веселуху, увидѣлъ женщину, лежащую на полу и рисовавшую карандашомъ. Ему показалось подозрительнымъ. Онъ побѣжалъ въ 2-ю часть, которая была тамъ, гдѣ и теперь; сказалъ тамъ, кому случилось. Тотъ доложилъ, кому слѣдовало. Послали на Веселухину башню, схватили эту женщину: она оказалась мужчиной-шпіономъ. Тогда много шпіоновъ проходило.

Онъ сталъ показывать тѣ римскія головки [1]). Которыя надписи явственно прочитаны,—у него написаны на бумажкахъ, въ которыя завернуты монеты; другія безъ надписей.

[1]) На монетахъ.

Иныя—(тѣ самыя), которыя я видѣлъ; другія не видалъ еще медали и монеты. Лиля подстрекнула мамашу спросить, какъ ему попался платокъ съ изображеніемъ Божіей Матери. Онъ слово въ слово одинаково разсказываетъ, какъ крестный ходъ шелъ,—когда еще тѣла лежали убитыхъ французовъ,—по улицамъ. Онъ, видя убитаго съ платкомъ на шеѣ, сталъ развязывать. Его отецъ, священникъ, въ процессіи ударилъ его палкой, сказавъ: „Не тронь! это ему, можетъ быть, послѣднее благословенье, съ которымъ на тотъ свѣтъ явиться". Онъ отошелъ. Когда возвратились назадъ,—онъ побѣжалъ опять за платочкомъ. Когда снялъ и увидѣлъ изображеніе образъ Божіей Матери,—то пришелъ въ неописанный восторгъ.—У него сгорѣла коллекція мундировъ военныхъ Наполеоновской арміи. Болѣе 20-ти паръ было сбережено.

Онъ большой мѣшокъ наложилъ разныхъ книгъ. Кто-то подвернулся во время пожара. Сказавъ: „Я отнесу на мѣсто",—унесъ—и теперь несетъ. Одинъ во время пожара вскочилъ въ комнату, схватилъ со стѣны часы. Діаконъ Одигитріевской церкви остановилъ его, сталъ отбирать часы. Тотъ не давать. Раздавили стекло, отымая одинъ у другого. Надо было того вора представить въ полицію. Въ Козловскомъ рву съ давнихъ поръ и теперь еще притонъ мошенниковъ. Они тамъ по ночамъ играютъ въ карты, пируютъ, дѣлятъ краденое, ночуютъ. Мальчики, которые поджигали лѣсъ за Днѣпромъ, были задержаны; показывали, какъ поджигали домъ Васильева. Васильеву послѣ пожара на улицѣ одинъ полякъ сказалъ: „Вотъ вамъ за то, что вы не любите поляковъ!" Какъ не было свидѣтелей, то нельзя жаловаться—отопрется. Во время самаго пожара стояло трое. Одинъ изъ нихъ сказалъ другому: „Ты не тотъ домъ поджегъ; я тебѣ говорилъ—надо было тотъ домъ поджечь". Одинъ, услыша это, сказалъ полиціймейстеру; тотъ послалъ нѣсколькихъ ихъ схватить. Тѣ, замѣтивъ, побѣжали; пока отъ пожара было свѣтло, ихъ не успѣли схватить. Они скрылись вразсыпную въ темноту (стр. 17—18).

Васильевъ много любопытнаго говорилъ о 12-мъ годѣ. Въ церкви Воздвиженской ядро французское засѣло, въ стѣнѣ держится.[1]) Жаль, надписи не сдѣлаютъ.—Гдѣ теперь Ковалдина лавка, то принадлежало Васильеву съ братьями,—

[1]) Ядро есть въ церкви Гурія, Самона и Авива, а не въ Воздвиженской. Такія ядра держатся еще въ церкви Аврааміева монастыря и Свирской.

ихъ было семь. Они рѣшили продать. Тогда за безцѣнокъ отдали.

Наполеонъ вошелъ въ большой лѣтній Соборъ въ шляпѣ; но, увидавъ величественный храмъ и изображеніе Спасителя и Божіей Матери, снялъ шляпу и сталъ креститься по—своему, по—католически.—Онъ былъ въ четырехъ домахъ въ Смоленскѣ: въ губернаторскомъ; послѣ пришелъ въ домъ Николая Васильевича Каховскаго, гдѣ огромная въ аршинъ буква N, написанная мѣломъ со стороны сѣней, была еще очень явственна въ 1856 году. Миклашевскіе продали Семинаріи на бурсу [1]).—Архіерей, послѣ кончины бывшаго на покоѣ архіерея Антонія, его товарища и наставника, поѣхалъ въ Петербургъ, Новгородъ и Москву. Приписываютъ разныя причины. Полагаютъ, главное, предположено выстроить новое каменное зданіе на мѣстѣ семинарскомъ, на Спасъ-Преображенской церкви площади; а онъ хочетъ—гдѣ уголъ ограды сада Аврааміевскаго монастыря, а у Преображенія—женское духовное училище.

Когда въ 12-мъ году французы были въ Смоленскѣ, то большо́й Соборъ лѣтній былъ въ родѣ острога для русскихъ, которые не хотѣли брать билета, какъ подданные Наполеона Бонапарта [2]). Богослуженіе прекратилось во

[1]) Въ бумагахъ прот. А. Васильева говорится: „Квартиры Наполеона въ Смоленскѣ были въ разныхъ домахъ, какъ-то: 1) возлѣ Спасской церкви, въ домѣ Каховскаго, что нынѣ Духовное Училище (а теперь квартира ректора Семинаріи); 2) въ домѣ гражданскаго губернатора; 3) въ домѣ Савельева, что возлѣ Вознесенской церкви; 4) въ деревянномъ домѣ г. Цетреуса (Смоленскаго полиціймейстера), а послѣ Киселева и нынѣ Вознесенскаго м—ря; 5) на земляномъ валу, что Петромъ I былъ устроенъ за Днѣпромъ, для защиты Смоленска отъ непріятеля. Здѣсь были поставлены палатки: Наполеону розоваго цвѣта со значкомъ, а у другихъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ то время, палатки были синія, голубыя, бѣлыя—по націямъ пришедшихъ народовъ; у Понятовскаго же была желтая" (Смол. Епарх, Вѣд. 1912 г., № 3, стр. 143). Конечно, всѣ эти мѣста пребыванія Наполеона могутъ быть названы его квартирами не въ одинаковомъ смыслѣ: собственно жилъ Наполеонъ съ 6 по 12 Августа и съ 28 Октября по 2 Ноября въ томъ домѣ, который и доселѣ служитъ резиденціею Смоленскаго губернатора; въ остальныхъ же мѣстахъ онъ имѣлъ лишь самое кратковременное пребываніе,—напр., въ домѣ Каховскаго остановился при въѣздѣ въ Смоленскъ для отдыха.

[2]) Прот. А. Васильевъ пишетъ: „Покинувъ свои дома и собравшись здѣсь (въ Успенскомъ Соборѣ) вмѣстѣ,—граждане имѣли въ немъ постели, внутри, кругомъ. На подушкахъ и перинахъ лежали больные отъ зноя и женщины послѣ родовъ, кои тамъ же были, и иныя умирали... Холодный Соборъ былъ острогомъ для Смолянъ, и, если кто выпрашивался выйти изъ Собора, то не

всемъ городѣ. Звонить въ колокола и думать нельзя было. Въ одной церкви священникъ,—при совершеніи службы, при словахъ на ектеніи: „на врага и супостата“,—только онъ произнесъ,—одинъ изъ французскаго войска ударилъ его тесакомъ или саблей по головѣ. То оказался полякъ, знающій хорошо русскій языкъ [1]). Въ Соборѣ многіе изъ бывшихъ тамъ стали просить дѣда Васильева хотя въ полночь имъ отслужить заутреню. Тотъ согласился. Когда служба шла,—нѣсколько французовъ вошли подъ руку съ женщинами и съ нѣсколькими собаками. Службу продолжали. Пришедшіе цукнули собакъ на клирошанъ, пѣвшихъ на клиросѣ,—сами стоя на архіерейскомъ мѣстѣ, хохоча во все горло, смотря, какъ перепуганные съ клироса пустились бѣжать съ крикомъ отъ собакъ, которыя ихъ кусали за ноги. Въ это мгновеніе дѣдъ Васильева, священникъ служившій, отворилъ царскія двери, какъ пришлось по службѣ. Французы цукнули собакъ на него. Тѣ бросились на него, свалили и начали грызть, а одна мордашка вцѣпилась ему въ ляжку. Ее не могли оттянуть; водой отливали,—тогда пустила изъ зубъ. Дѣдъ отъ испуга и боли не могъ кричать. Онъ очень занемогъ. Его перенесли въ архіерейскую опочивальню, т. е. гдѣ ихъ гробницы. Ему дѣлалось все хуже. Просили коменданта дозволить перенести въ домъ больного. Забравъ справки, комендантъ позволилъ старику преклонныхъ лѣтъ, къ тому же очень больному, въ домъ перебраться. Его перенесли въ его домъ, который былъ противъ стараго острога. Тамъ ровно черезъ двѣ недѣли онъ скончался, 2 Октября [2]).

иначе выпускали, какъ привязывая ярлыкъ изъ бумаги, съ надписью на немъ по-французски: „Преданъ Наполеону“. А безъ сего не позволяли выходить, и посему граждане рѣдко кто выходилъ, ибо считалъ себѣ преступнымъ (зазорнымъ) со знакомъ выходить. Часовой всегда стоялъ на амвонѣ, посреди Собора, и послѣдняго часового изъ неаполитанцевъ смѣнилъ русскій солдатъ. Сего француза граждане накормили своимъ хлѣбомъ, какой имѣли, и повели къ числу прочихъ плѣнныхъ французовъ“ (Смол. Епарх. Вѣдом. 1912 г., № 3, стр. 141, 142). Ср. дневникъ Н. А. Мурзакевича подъ 2 Октября.

[1]) Въ бумагахъ А. Васильева говорится: „Во всемъ городѣ не было слышно колоколовъ, и не было обѣденъ. А такъ какъ храмы были осквернены пущеніемъ собакъ и лошадей,—была только служба утрени, вечерни и часовъ, и службу всячески старались производить болѣе безъ бытности поляковъ и французовъ. Моленія приносились Господу Богу тихо о дарованіи побѣды надъ врагами и о долгоденствіи имп. Александра“. („Смол. Епарх. Вѣд. 1912 г., № 3, стр. 143).

[2]) Здѣсь вновь разсказано о В. Щировскомъ (см. стр. 365—368).

Когда еще у Аврааміевской церкви и на монастырскомъ дворѣ были трупы непріятельскіе,—прибывшій архіерей Іоасафъ, на мѣсто бывшаго Иринея, приказалъ созвать семинаристовъ и начать уроки въ кельяхъ монашескихъ, какъ въ классныхъ залахъ были тоже трупы. За неимѣніемъ столовъ и скамеекъ, семинаристы на полу сидѣли, слушали уроки; на полу тоже писали, стоя на колѣняхъ, пригнувшись къ полу, къ бумагѣ. Васильевъ это показывалъ въ лицахъ, ставъ на колѣни и пригнувшись къ полу, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому онъ съ другими сталъ продолжать ученье, по изгнаніи дванадесяти языковъ (стр. 17—18).

Монахиня Ѳеофанія считаетъ себѣ 82 года. Она 76 лѣтъ въ монастырѣ. Въ 12 году она была въ монастырѣ; тогда ей было 20 лѣтъ. Когда французы стрѣляли, то набрались страха. Ядра къ нимъ долетали и картечи. Когда французы вступили, то немного погодя сталъ городъ горѣть. Французы пошли къ Москвѣ; оставшіеся ихъ не тревожили, не безчинствовали. Ея мать отъ тревоги не вынесла,—скоро умерла. Ее похоронили въ саду. Ровно въ день шестинедѣльнаго поминовенія умеръ отецъ. Его рядомъ похоронили. Когда французовъ погнали назадъ,—они зажгли городъ, стали во многихъ мѣстахъ стѣны взрывать порохомъ. Земля дрожала, какъ отъ землетрясенія. Ужасъ еще большій былъ: пожаръ забрался въ монастырь. Все горѣло кругомъ; никто не думалъ, не могъ тушить пожара. Плачъ, вопль наполнялъ воздухъ. Что могли,—спасали свои скудные пожитки въ садъ. Картина была ужасная: одно строеніе догорало, другое загоралось,—и по всему городу такъ. Она со старушкой, бывшей съ ней, и другія—прятались въ погреба монастырскіе; оттуда, озябнувъ, выходили погрѣться у пожара. Но чудно Господне милосердіе! Неисповѣдимы судьбы Его! Промыслъ великъ! Со всѣхъ сторонъ кругомъ церкви горѣло, какъ адъ. Кельи и церковь остались невредимы. Некуда было дѣваться,—то помѣстили всѣхъ немногихъ монашенокъ въ церкви, внизу, въ Екатерининской, гдѣ были не мало времени, пока повыстроили, перебрались по своимъ угламъ, и то не всѣ вдругъ, а понемногу (стр. 220).

Пріѣхавшіе изъ Варшавы актеры отлично представляли, какъ въ 12 году Наполеонъ разстрѣлялъ Смоленскаго помѣщика Энгельгардта [1]). Иванъ Гомыревъ—маляръ на-

[1]) Объ этой трагедіи разсказываетъ авторъ ранѣе, въ 1865 г., стр. 492.

звалъ трагедію комедіей; очень ее хвалитъ. Было много господъ, всѣхъ зрителей болѣе 300 человѣкъ; уже мѣстъ не было въ балаганѣ; тѣснота, давка была. Наполеонъ былъ очень богато одѣтъ; солдаты были наняты изъ мѣстныхъ, они стрѣляли. Актеровъ и актрисъ было 12, а они еще нанимали изъ жителей и дѣтей. Онъ разсказывалъ,—не знаю, правильно или нѣтъ,—но такъ: когда къ Наполеону привели Энгельгардта, онъ сталъ уговаривать его идти на Москву воевать противъ русскихъ (несообразность); приказалъ жену и дѣтей Энгельгардта привести. Жена тоже упрашиваетъ его идти на Москву и не быть разстрѣляну. Но Энгельгардтъ не согласился, сказавъ: „Лучше пускай меня разстрѣляютъ, но не измѣню царю и на своихъ не пойду". Тогда Наполеонъ разсердился и приказалъ разстрѣлять. Про Энгельгардта онъ нѣсколько разъ начиналъ говорить, какъ хорошо на сценѣ, натурально,—точно въ самомъ дѣлѣ такъ происходитъ: и лица у актеровъ были подрисованы, сдѣланы похожими, какъ портреты; и наряды точь-въ-точь какъ тогда были; только Энгельгардта разстрѣляли въ красной рубашкѣ (стр. 432).

Первымъ градоначальникомъ въ Одессѣ былъ Лесли. Это былъ мой дѣдъ, Степанъ Егоровичъ Лесли (стр. 595).

1874 годъ.

Кастелля давала читать письмо своего родственника, графа Тонсенъ, который въ 12 году былъ въ Россіи. Помнитъ нѣсколько Смоленскъ. Подъ Борисовомъ чрезъ Березину дѣлалъ второй мостъ. Его портретъ миньятюрный, съ бородой сѣдой, увѣшанъ весь орденами; пріятная физіономія. Ему 90 лѣтъ. Онъ очень мило ей пишетъ. Я поцѣловалъ его портретъ, просилъ ее написать ему. Увидѣвъ его благородную осанку, множество заслуженныхъ орденовъ,—самъ, какъ старый давнишній служивый, тоже понюхавшій пороху, съ почтеніемъ къ его лѣтамъ и заслугамъ напечатлѣлъ поцѣлуй (стр. 321).

Старый Борисовъ называется то мѣсто, гдѣ теперь дворецъ Николая Николаевича Старшаго. Тамъ была главная переправа при бѣгствѣ Наполеона. Тамъ еще недавно стояла

изба, въ которой помѣщался Наполеонъ въ 1812 году. Жидъ какой-то ее купилъ и разобралъ; осталась только видна полуразрушившаяся печь (стр. 406).

Людмилѣ Васильевнѣ хотѣлось видѣть домъ, бывшій Николая Васильевича Каховскаго, гдѣ въ 12 году Наполеонъ останавливался. Мы подъѣхали къ нему. Не выходя изъ пролетки, я указалъ на двери, гдѣ съ внутренней стороны была написана буква N почти въ аршинъ, которую не стирали, а берегли хозяева. Она была мѣломъ написана, пока Миклашевскій продалъ этотъ домъ, кажется, около 1840 года (стр. 624).

Пришелъ Васильевъ. Его разсказы о 12 годѣ очень интересны. Хотя много, разъ 10, слыхалъ,—но всегда новое еще услышишь изъ подробностей или еще не слышанное. Какъ одного священника французы, подъ общимъ названіемъ нашествія непріятелей, а далѣе поляки неистовствовали: за волоса привязали веревками къ хвосту лошади и такъ по мостовой въ Смоленскѣ тащили [1]).

Сперва не знали, будетъ ли сраженіе. Но какъ начали чрезъ головы летать ядра, гранаты, брандскугели; какъ загорѣлся Смоленскъ во многихъ мѣстахъ,—стали выбираться жители: кто корову ведетъ, кто козу, а кто

[1]) Подобный разсказъ сохранился въ бумагахъ прот. Васильева: „Во время занятія французскими войсками Смоленской губерніи бродившіе для фуража и грабежа такъ называвшіеся тогда мародеры, польскіе и французскіе, и другихъ націй воины, — послѣ многихъ посѣщеній, однажды прибывъ въ с. Стабну, состоящее при большой С.-Петербургской дорогѣ, взявъ свящ. о. Емельяна Волочкова, потребовали отъ него церковныхъ денегъ и вещей. Но, какъ оныя были уже всѣ ограблены прежде посѣщавшими, то онъ и не могъ таковыя имъ дать. Не смотря на его увѣренія и клятвы, что того и другого нѣтъ, разсвирѣпѣвшіе мародеры сожгли церковь до основанія, со всѣмъ ея имуществомъ, а свящ. Волочкова, привязавъ за волосы къ лошадиному хвосту и сѣвши верхомъ на лошадь, потащили по дорогѣ до с. Печерскаго и въ обратный путь къ с. Стабнѣ. Такъ безчеловѣчно онъ былъ влачимъ по дорогѣ безъ разбора, а лошадь, какъ всегда влекла тяжесть на хвостѣ, безщадно въ голову била его задними ногами, такъ что священникъ подъ лошадиными ударами и умеръ. Прочіе же мародеры, стоя на улицѣ, смѣялись такому тиранству". („Смол. Епарх. Вѣд. 1912 г., № 3, стр. 143—144). Кромѣ Ем. Волочкова и Вас. Щировскаго, пострадалъ еще отъ французовъ священникъ Рачевской Богородице-Рождественской церкви Герасимъ Измайловъ. Онъ положилъ дорогіе церковные сосуды на сѣнь надъ престоломъ церкви, и французы ихъ не нашли (Смол. Епарх. Вѣд. 1885 г., стр. 1073 - 1079, 1137—1143). Французы заставили его дѣлать черную работу и подкопы. Отъ нужды и побоевъ старецъ умеръ. (Дневникъ Н. А. Мурзакевича подъ 20 Октября).

на себѣ тащитъ, навьючивъ, едва можетъ плестись, а иной все бросилъ отъ страха,—бѣжитъ, самъ не зная—куда. Отецъ его, протопопъ Нижне-Николаевской церкви, забралъ семейство, пошелъ изъ города, куда глаза глядятъ. До Крохоткина дошли, гдѣ былъ барскій дворъ огромный князя Долгорукаго, съ обширной усадьбой, садами, огородами. Отецъ Васильева въ лѣсъ отправился, гдѣ многіе собрались. Онъ вышелъ изъ лѣса къ дорогѣ. Казакъ велъ пару хорошихъ лошадей въ сбруѣ прочной, запряженныхъ въ телѣгу. Онъ спросилъ у казака, не продастъ ли онъ.—„Продамъ".—„А сколько хочешь?"—„А сколько можешь, столько и дай".—„Радъ бы купить, да у меня всего гривенникъ въ карманѣ".—„Бери, батюшка, за гривенникъ; когда буду живъ,—молись за здравіе, а убьютъ,—молись за упокой". Васильева мать только родила нѣсколько дней тому того брата, который теперь священникомъ въ Покровской церкви подлѣ Веселухиной башни. Александръ Петровичъ кормилъ этого брата иногда изъ рожка, пеленки на него всегда мылъ, няньчилъ его, матери помогалъ. Въ Корохоткинскомъ лѣсу нельзя было оставаться,—близко слишкомъ. Когда Богъ послалъ въ такой бѣдѣ счастье, когда удалось купить за гривенникъ повозку и пару лошадей запряженныхъ,—то, посадивъ жену на возъ и (положивъ) кое-какіе пожитки, какіе вытащили на себѣ, поѣхали въ Бережняны, гдѣ забрались въ лѣсъ, а кругомъ было болото. Тамъ спаслись: то хлѣбъ съ болотной водой ѣли; то достанутъ гдѣ картофелю, котораго тогда еще немного сѣяли по огородамъ; то добудутъ гдѣ мяса, а то иногда цѣлый день не ѣвши оставались. Очень вкусны казались лепешки: тѣсто замѣшано, скатано въ лепешку толстую да въ горячую золу закопано; пропечется—не пропечется,—поджарено, подожжено. Съ голоду все хорошо,—не умирать стать, ничего не ѣвши. И такой пищѣ рады-радешеньки. Натерпѣлись и холоду, и голоду. Упаси Богъ, какое было время! И сами терпѣли и другіе; а плачъ, а вой женшинъ и дѣтей душу раздираетъ. Многое еще разсказывалъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе, а сначала какъ бы съ трудомъ припоминая, и какъ будто нѣтъ ничего интереснаго (стр. 687).

Послѣ того, какъ въ 12 году французы стрѣляли въ городъ, и ядра съ гранатами летѣли чрезъ головы,—отецъ его поѣхалъ въ Крохоткино, а тамъ въ Бережняны. Они

нѣкоторое время ничего не знали о Смоленскѣ: слышали гулъ, какъ изъ пушекъ палили, да терпѣли всякія нужды А оставшіеся въ Смоленскѣ, запертые въ Соборѣ большомъ, одно время и не выпускались, а кто хотѣлъ выйти,—то не иначе, какъ съ надписью на билетѣ, приколотомъ на шапкѣ, на французскомъ языкѣ: „Преданъ Наполеону". Когда всѣ выбирались изъ города, кто куда, почти всѣ (шли) чрезъ мостъ отъ воротъ Божіей Матери,—мостъ былъ осмоленъ, а на него наложено соломы и вылито по ней нѣсколько бочекъ дегтю. У воротъ Божіей Матери, внутри стѣны, былъ поставленъ верхомъ казакъ. Ему приказано было смотрѣть на гору: какъ покажутся французы на Соборной горѣ или гдѣ со стороны, то дать условный знакъ—выстрѣлить изъ пистолета и скакать черезъ мостъ къ генералу. Когда онъ прискакалъ къ генералу,—тотъ въ ту же минуту приказалъ изъ пушки выпалить. Прежде еще было сдѣлано распоряженіе: какъ только пушка выпалитъ, то мостъ зажигать,—затруднить французамъ переправу, погоню за нашими войсками. Почти всѣ перебрались уже, но многіе не успѣли еще перебраться на тотъ бокъ Днѣпра. Только выпалила пушка,—подожгли, запылалъ мостъ: уже нельзя по немъ спасаться. Бросились къ Рачевкѣ—и мимо чрезъ нее безъ оглядки. А французы уже на носу, и ихъ видимо-невидимо ползло, какъ мурашекъ, какъ саранчи. И откуда они брались? Да немудрено, впрочемъ: вѣдь двадесять языкъ на одну Россію нагрянули. Но Богъ не допустилъ гибели Россіи: имъ, басурманамъ, досталось, а злодѣи 6 башенъ съ досады взорвали. Когда ихъ уже гнали,—ничего не могли намъ сдѣлать, то хотя наругнуться. А чѣмъ онѣ имъ мѣшали, и на какое лихо ихъ взорвать? Имъ никакой пользы отъ того не было! Когда жители уходили изъ Смоленска, то рыдали громко отъ горя; а когда возвращались, то плакали отъ радости, обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга. А по улицамъ лежали французы, лошади, собаки, поляки, народы разные, вестфальцы, которые убиты, которые съ голоду замершіе. По всему городу, по главной улицѣ—отъ воротъ Божіей Матери до Молоховскихъ, шагу почти нельзя было ступить, чтобы не было трупа человѣка, или лошади, или разломанная повозка, или отъ лафета колесо, или ящикъ зарядный. Преосвященный Ириней пріѣхалъ,—еще не всѣ трупы были убраны. Хотя (былъ) холодъ, но иные смрадъ издавали, а много

весной еще попадались по садамъ, огородамъ сотлѣвшіе. Послѣ Иринея Преосвященный Іоасафъ насталъ. Спросилъ, пріѣхавъ: „Начались ли классы въ Семинаріи?"—„Нѣтъ еще".—„Сейчасъ посылать всѣхъ требовать, а то заведутся ереси, вольнодумства безъ ученія религіи".—„Классы еще разорены".—„Обобрать помѣщеніе, гдѣ можно заниматься". —„Нѣтъ ни столовъ, ни скамеекъ!"—„Не бѣда,—пускай на полу сидятъ и пишутъ, а только бы начали учиться,—всѣ будутъ баловаться". Разсказывая это, Васильевъ садился на полъ, подкорчивалъ ноги и показывалъ, какъ на полу писали (стр. 689).

1875 годъ.

Я ему сказалъ о Николаѣ Васильевичѣ Каховскомъ, родномъ братѣ фельдмаршала Михаила Васильевича Каховскаго, о его слѣпотѣ. Домъ принадлежащій теперь Семинаріи,—на Козловской горѣ,—былъ его. Моя матушка въ его домѣ выросла и воспитывалась. Архіерей зналъ о принадлежности этого дома Каховскимъ и пребываніи въ немъ Наполеона въ 1812 г. Я сказалъ о буквѣ N, (написанной) на дверяхъ наружныхъ съ внутренней, а не съ лицевой стороны [1]) (стр. 191).

Васильевъ разсказывалъ, что Императоръ Александръ I стоялъ на крыльцѣ дома, гдѣ теперь пустое мѣсто, у Блонья, между домомъ бывшимъ Предсѣдателя Казенной Палаты и теперешнимъ Уѣзднымъ Полицейскимъ Управленіемъ. Войска мимо него проходили, и онъ, здоровавшись съ ними, воодушевлялъ на защиту Отечества (стр. 198).

Приготовилъ къ печати

Н. Рѣдковъ.

[1]) Разсказъ объ этомъ домѣ см. и ранѣе—въ 1874 г., стр. 624. Домъ этотъ проданъ былъ Миклашевскимъ для классовъ Семинаріи. Памятникомъ пребыванія въ немъ Наполеона служитъ еще тарелка съ тою же буквою N, хранящаяся въ Городскомъ Музеѣ.

Смоленскъ 5 августа 1812 года.

(Съ картины проф. Гессе, находящ. въ Смолен. Дворян. Депут. Собраніи).